

Елена Александровна Асеева

*Бой
Святозара.
Сквозь Пекло*

Часть вторая

Елена Асеева

**Бой Святозара. Сквозь
Пекло. Часть вторая**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Бой Святозара. Сквозь Пекло. Часть вторая / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

Вторая часть романа «Бой Святозара. Сквозь Пекло» продолжит повествование о приключениях наследника восурского престола Святозара, которому, дабы дойти до царство Чернобога, где томится душа его матери, придется преодолеть на своем пути множество волшебных миров и народов, населяющих славную Явь.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	39
Глава шестая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Бой Святозара. Сквозь Пекло

Часть вторая

Елена Александровна Асеева

*И не должны мы быть мирными,
И не должны просить помощи,
Ибо она в мьшицах наших и на конце мечей,
И ими мы сечем врагов.
«Велесова книга»*

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Через некоторое время в подземелье явился Гатур и гомозули, однако еду в этот раз они не принесли. У каждого из гмуров в руках были копыя и секиры, которые они благоразумно не направляли на темничников, а держали вертикально вверх. Гатур подошел к темнице Святозара, низко поклонился и сказал:

– Славный наследник восурского престола Святозар, по реклу...

– По реклу Велико-Достойный, – подсказал, прервавшемуся гомозулю, Храбр.

Гатур кивнул головой и продолжил:

– По реклу Велико-Достойный, тебя приглашает в свой дворец доброхот, заботник, рачитель, благодетель, заступник, царь всех гомозулей, рассудительный, Гмур Достохвальный и Достопочтенный, Старший Кузнец всех кузнецов, Величайший Ювелир всех ювелиров.

В подземелье наступила тишина, замолчали все темничники, смолк Нынышу, а Святозар поднялся с ложа и пристегнув к поясу ножны с мечом, оправив кафтан и волосы, усмехнувшись, весьма недовольно проронил:

– Ишь, ты, наплел же он себе величаний... а раньше был просто царь Гмур.

– Ты, пойдешь один, – подходя к двери темницы и протягивая к замку ключ, молвил Гатур.

– Нет, – громко ответил Храбр, и, поднявшись с ложа, встал позади Святозара. – Наследник один не пойдет. Он будущий правитель славной Восурии и не должно ему одному ходить.

Гатур тяжело вздохнул, обернулся на темницу, где сидели други наследника и где, прикинув к решетчатой двери стояли, и безмолвно на все взирали Звенислав и Часлав, и добавил:

– Хорошо, но только два сопровождающих, только два.

– Пойду я, – опередив Святозара, произнес Храбр. – Я и Дубыня.

– Почему это ты и Дубыня? – раздраженным голосом спросил Стоян, и, поднявшись с ложа, шагнул к двери.

– Потому что мы с Дубыней, взрослые люди, – незамедлительно отозвался Храбр, и многозначительно посмотрел на Стояна. – И в случае чего знаем, как себя вести не только с Гмуром, но и... – Наставник понизил голос так, чтобы было слышно лишь Стояну. – Но и со Святозаром... А, ты, Стоян остаешься старшим здесь.

– Ну..., – протянул было Стоян.

Но Храбр его резко перебил, коротко и сердитодохнув:

– Никаких, ну! – И кивнув Гатуру, сказал, – пойду я и из темницы напротив ратник Дубыня.

Гатур открыл темницу, выпустил Святозара и Храбра, и, закрыв за ними железную, решетчатую дверь замкнул замок да развернувшись, направился к темнице напротив, где его ожидал Дубыня. Но подойдя к темнице, он остановился, в нескольких шагах от нее, и стал беспокойно перебирать ключи, висевшие на поясе, на длинной связке, точно не в силах найти нужный.

– Гатур, – сказал Святозар, увидев бесплодные попытки гомозуля найти нужный ключ. – Открывай дверь, не бойся моего дружинника Звенислава, не вырвет он твой язык, я обещаю.

Гатур услышав наследника тотчас разыскал нужный ключ, и, подойдя к темнице, все же опасливо принялся открывать замок и поглядывать на присевшего на ложе Звенислава. Когда он, наконец, отомкнул замок и дверь да выпустил Дубыню, то тут же резко закрыл ее, быстро повернул ключ, и, отскочив от темницы, успокоено выдохнул. Дубыня выпущенный на волю подошел к наследнику и Храбру, пожал последнему руку и поправил сзади кафтан на Святозаре. Гатур вновь поклонился наследнику и повел их сквозь подземелье к поднимающейся пло-

щадке. Гомозули вооруженные секирами и копьями окружили наследника и наставников, и все еще направляя острые наконечники оружия вверх, пошли следом за гостями-пленниками.

Поднявшись на площадке в город, и пройдя немного по дорожке отделяющей жилые постройки от рабочих и хозяйственных дворов, повернули налево и вошли в жилые пределы города гомозулей, где справа и слева от полосатой дорожки из агата, ограненной дымчатыми кварцами, стояли прекрасные дворцы. С одной стороны дорожки стояли дворцы из голубой бирюзы и синего лазурита, а с другой стороны дворцы из зеленого нефрита и желтого сердолика. Проходя мимо дворцов, наследник не мог надивиться на них и понять, выдолблены ли они из цельного куска камня, или очень искусно обложены, настолько, что не было видно ни единой щелочки, трещинки. Иногда между синими и зелеными дворцами мелькали постройки из розового кварца, а между зелеными и желтыми, дворцы из красной яшмы. Разбросанные возле дворцов прудики, окаймленные голубыми лазуритами, были в основном круглые и в них плавали крупные желто-серебристые рыбы. В овальных прудиках, берега которых ограняли синие лазуриты, были построены небольшие стены из зеленого нефрита, и по ним струилась вода, создавая нечто вроде маленьких водопадов. Возле дворцов находились миниатюрно вырезанные из фиолетового кварца кусты и деревья, на которых висели изящные каменные ярко-желтые плоды из яшмы.

Дорожка привела прямо к самому высокому в городе дворцу, из фиолетового аметиста с множеством круглых окошек и невысоких башенок. Стены дворца были украшены синими сапфирами, а полукруглая с широкими ступенями из синего топаза лестница вела к распахнутым, из просвечивающегося фиолетового кварца, дверям. Гатур поднялся по ступеням и остановился возле дверей, дожидаясь, когда поднимутся гости, и поравняются с ним. После он суетливо кивнул вооруженным гомозулям приказывая им, дожидаться его подле лестницы и повел восуры в тронный зал, который начинался сразу за дверьми дворца.

Святозар вошел в зал и оглядел его. Это был, несмотря на богатство, даже мрачный зал с высоким потолком. Сам зал имел круглую форму. Стены, потолок и пол в зале были обложены фиолетовым аметистом, и украшены редчайшими искусно ограненными алмазами синего, зеленого, розового и даже красного цвета, необыкновенно ярко мерцающими. В первый момент наследник подумал, что драгоценные камни, в стены просто вставлены, но приглядевшись, разглядел на стенах тронного зала рисунки, которые и были украшены драгоценными камнями. Вот зеленые алмазы изображали землю и деревья; синие, розовые алмазы – дворцы; красные – дорожки и мосты, а белые – облака и солнце.

Святозар перевел взгляд со стен и увидел прямо перед собой, в углублении зала, на большом возвышении здоровущий золотой трон, с весьма высокой спинкой венчающейся искусно вырезанной головой гомозуля с зелеными, крупными изумрудами вместо глаз, с раскрытым ртом и вставленным в него красным рубином, и густой золотой бородой, усами да серебряными волосами. На троне сидел маленького роста, красивый гомозуль, с белой кожей лица, с ярко-рыжими волосами, бородой и усами, с нежно-голубыми глазами, прямым носом, высоким лбом и дугообразными, рыжими бровями. У этого гомозуля в отличие от ранее видимых восурами, кожа рук также как и кожа лица, была необыкновенно светлого оттенка, и на ней почти не просматривалось рыжих волос. Он был одет в лазурную без рукавов рубаху, штаны и башмаки, а на голове у него восседал золотой венец со множеством затейливо вырезанных переплетений в виде плетущихся растений и ветвей деревьев, богато усыпанный красными и розовыми ограненными алмазами.

Святозар подошел ближе к трону, посмотрел в глаза царя, и слегка преклонив голову, сказал:

– Приветствую тебя царь гомозулей Гмур, надеюсь...

Но царь внезапно замахал на него рукой, и, скривив свое красивое лицо, негромко крикнул на языке Богов:

– Аз сэкэленько нэ рескаво Ас! Нэ великазбой рескаво Ас! Тевся, осегэ, шэлкевэ вай рескаво? – Царь замолчал, и, наморщив свой лоб, злобно добавил, – нэ велуса оянэсевой рескаво аз нэшко сэкэленько.^{*1*}¹

Святозар услышал слова Гмура, лицо его побледнело, губы от гнева задрожали, и, шагнув вперед, он яростно выкрикнул:

– Аз нэшко осегэ.. аз сэтко ДажьБога!^{*2*}² Ах, ты неблагодарный, – переходя с языка Богов на восурский, продолжил Святозар, и его бледное лицо стало покрываться красными пятнами. – Неблагодарный царь, неблагодарных гомозулей... Ты, забыл, осегэ – прощельга, кому обязан жизнью, забыл кто спас твою, превратившуюся в черноту, душу.

Святозар сделал еще шаг вперед, его всего трясло от гнева, а на лбу выступила испарина, и, припоминая язык Богов, он не менее громко крикнул:

– Осталькосэ переге ёшла веласовэ!^{*3*}³ Перед тобой, я, Святозар, по реклу Достойный, первый правитель Восурии, сын самого ДажьБога! Восур, который когда-то спас тебя и твой народ от гибели, от злобных женоподобных ягынь... Ах, ты наверно забыл это... Конечно, почему бы тебе не забыть доблестный поступок моего народа, их смерть, их страшные раны, ведь то они, а не ты проливали свою кровь! Почему бы тебе не забыть, ведь это я потерял в той битве своих четверых сыновей, своих друзей, и сыновей своих друзей. Я чуть не потерял своих восуров и свою жизнь.

Наследник вытащил из ножен меч, поднял его вверх и великий Кладенец, меч ДажьБога, засветился желтым сиянием. А Святозар тяжело задышав меж тем громким, взволнованным голосом, молвил:

– Ты помнишь, этот меч Гмур? Помнишь? Этот меч ты ковал для моего отца. Первый и последний меч, который ты ковал по просьбе Перуна. И ковал ты его, чтобы ДажьБог смог в битве с Чернобогом победить его... А, потом ДажьБог подарил этот меч мне. Этим мечом я отрубил голову царю ягыней Ерку, который уничтожал и поедал твой народ... А, ты и твои дети, которые обязаны мне и моему народу жизнью, называете меня прощельгой и татем. Все эти дни вы держали меня и потомков моих друзей в темнице, забыв все приличия и законы гостеприимства... Но я стерпел все это, во имя той дружбы, что когда-то питал к тебе, я ждал тебя сдерживая в себе рвущийся наружу гнев и успокаивая словами, что стоит тебе меня увидеть и ты вспомнишь все, что случилось с моим и твоим народом, когда-то давно... Но, вот, я дождался тебя, я пришел к твоему трону, и что же я слышу от тебя?! Ты который клялся мне в вечной дружбе... Ты пошел еще дальше! Тебе мало оскорбить меня, ты еще оскорбляешь и мой язык!.. Язык каковой создал и подарил мне мой отец ДажьБог! Неблагодарный, неблагодарный!.. – Святозар опустил меч вниз уткнув его острие в фиолетовый аметист пола и тихо добавил, – о! Боги мои, видел бы, ты, себя со стороны Гмур... Ты просто противен в своей неблагодарности... Вы, не дети Богов, вы низкое племя, за которое не стоило проливать кровь.

– Наследник, – очень мягко сказал, стоявший позади него Храбр. – Успокойся.

Святозар оглянулся назад, посмотрел на наставника, и звенящим от гнева голосом, произнес:

– Что ж, Храбр, погляди кругом... Погляди, дорогой мой наставник. – Наследник наново поднял меч и устремил его на искусно украшенный камнями рисунок дворца на стене. – Видишь это прекрасное сооружение, этот чудесный дворец, созданный великим и добрым народом гмуров... Так вот знай, это знаменитый дворец царя Гмура некогда находившийся в городе гомозулей Галарионе и стоял он недалече от реки, оную ныне величают восуры малая Яза. Много столетий назад он был разрушен народом солуанцев, до основания, до последнего

¹ Я говорю на языке Богов! На великом языке Богов! Ты прощельга знаешь этот язык? На твоём низком языке я не говорю!

² Я не прощельга... я сын ДажьБога.

³ Посмотри кто перед тобой!

камушка... Но тогда, когда я появился на земле впервые этот город, прекрасный и величественный, поражал всех своей мощью и красотой, а чудесный дворец царя стоял в центре Галариона и в солнечных лучах на нем сверкали драгоценные камни, и множество маленьких искусно вырезанных золотых башенок переливались в лунном свете. И в этом дворце долгие, долгие дни, я, истерзанный зубами и когтями злобного ягьи Ерку, тяжело страдая от потери своих сыновей, младшему из которых было лишь шестнадцать лет. Долгие, долгие дни выздоравливал... А, мой дорогой друг, Гмур не отходил от моего ложа ни днем, ни ночью. Он вместе со своими детьми выхаживал меня и раненных, во время этого страшного сражения, восуров.

Святозар тихо зашептал заговор, и в тот же миг из меча вылетел яркий желтый луч, и ударился об стену, покрыв своим светом синие и розовые ограненные алмазы украшающие дворец царя. Свет словно впитался в рисунок, и стены нарисованного дворца мгновенно раскрылись, показав внутренность его, с широкими лестницами, огромным тронным и пиршественным залом, да красиво украшенные опочивальни. Внутри дворца, где-то в его глубине, распахнулась дверь, живописуя лазурного цвета опочивальню, где на широком деревянном ложе, усыпанном жемчугами, лежал окровавленный Святозар, а рядом на высоком золотом сиденье со спинкой сидел рыжеволосый царь Гмур.

– Ты, забыл, забыл Гмур, как просил о помощи Перуна и его народ дамианцев, – сказывал Святозар, уже вновь обращаясь к царю гомозулей. – Как отказали тебе дамианцы, не решаясь вступить в бой со злобными ягьями, которые потеряли свой истинный вид волшебного народа, превратившись в диких зверей поедающих плоти людей. Ты, забыл, как просил о помощи ДажьБога, но тот не желая гибели своего еще молодого и неопытного народа, отказал тебе... Ты, забыл, как нарушил я повеление моего отца, и поднял своих людей и привел их на бой с ягьями, чтобы спасти тебя, и твоих детей... гомозуль, которые никогда не держали в руках меч и не могли защищаться. – Наследник порывчато потряс мечом, и добавил, – этим мечом, имя которому Кладенец, я отрубил нечистую голову Ерку и уничтожил обросшую злобой и кровью его черную душу.

Святозар смолк, муторно переводя дух, и глядя в голубые глаза Гмура, он вложил меч в ножны и закрыв лицо ладонями, замер на месте.

Царь сидел все это время молча на троне, прикрыв дланью себе рот, и не в силах, что-либо вымолвить, но когда Святозар застыл, он торопливо поднялся с трона, и, спустившись по трем широким ступеням остановился в двух шагах от него. Гмур с трудом, будто она отяжелела от гнета, вздел свою голову, посмотрел на наследника глазами полными слез, и, протянув к нему руки, прошептал:

– Святозар, правитель славной Восурии, по реклу Достойный Бога! Ты, не справедлив ко мне, называя меня отцом неблагодарного племени потому, как я не забыл... Слышишь, Достойный Бога, я не забыл твой доблестный поступок, и той крови, что ты и твой народ пролил за моих детей.

– Что? – отрывая ладони от лица и устремляя взгляд на Гмура, гневно выкликнул Святозар. – Не забыл? Ты назвал меня прощельгой... а мой язык оянэсерай! Я, конечно, всегда плохо знал язык Богов, но понять, что значит осегэ и оянэсерай не трудно...

– Я не узнал тебя, – негромко проронил Гмур, все еще продолжая держать протянутые к наследнику руки. – Не узнал. Ведь ты, давно умер. Я сам был на твоём погребении... Я помню это и помню, как плакал тогда, как плакал... Ох, нет, друг мой, я не забыл твоей жертвы, не забыл тебя... Но я знал, что тебя нет больше в Яви. И как же, я мог догадаться, что ты вновь возродился.

– Ну, ты мог меня выслушать, – уже менее гневно ответил Святозар. – Ты должен был меня выслушать. А твои дети должны были проявить уважение, к потомкам восуров, предки которых проливали за них свою кровь, тебе не кажется.

– Да, да, да, – вздыхая, заметил Гмур. – Ты, прав мой дорогой друг, но и я, и мои дети за века стали другими, Достойный Бога.

– Не называй меня так, Гмур, – сказал наследник и утер со лба испарину. – В этой жизни я наследник Святозар, сын правителя Ярила, по реклу Щедрый, и живу я в моей любимой Восурии, в престольном Славграде.

– Хорошо, хорошо, Святозар, как пожелаешь, – очень мягко протянул царь. Он сизнова сделал шаг вперед и протягивая к наследнику руки, спросил, – ты, позволишь мне обнять тебя, мой светлый спаситель? Позволишь, мой дорогой и любезный друг?

Святозар какое-то мгновение колебался, но глянув в наполненные слезами глаза царя, шагнул навстречу старому другу и раскрыл объятия. Гмур тут же, радостно вскрикнув, кинулся к наследнику и крепко его обнял, чуть слышно молвив:

– Ах, Святозар, Достойный Бога... Какая радость увидеть тебя вновь, через столько веков.

Наследник выпустил Гмура из объятий, а тот, привстав на носочки, протянул руку вверх и кончиками пальцев, погладил его по щеке, да хмыкнув носом, принялся утирать свои мокрые глаза.

– Да, – тихо согласился наследник. – Гмур, друг мой, что случилось с тобой за века... Зачем ты ушел в эти горы, зачем держишь темницы. Ты, всегда был чистым и светлым гомозулем, что случилось с твоей душой?

Гмур надрывно вздохнул, словно слова наследника разрывали его душу на части и ласково поглаживая перстами его по руке, принялся пояснять:

– Ты, умер Святозар, и у меня больше не стало друзей. Еще какое-то время я поддерживал связь с твоим сыном Боголюбом, который тоже бился против ягыней и помнил меня и нашу с тобой дружбу. Но твой внук Истислав и твой правнук Судимир им было не до дружбы, они вели войны, стараясь защитить свой народ и свою веру... Ах, друг мой любезный, золотые века канули в лета... Много веков прошло с той битвы, и я, и мой народ всегда помнили о доблести твоих людей, но сами восуры забыли о том, как бился ты, мой добрый друг, и как бился твой народ... Нет, восуры, никогда не обижали гомозуль, никогда не гнали нас с наших земель, но с Ра-реки пришли солуанцы, а с южного моря приплыли поллы, они стали нас уничтожать, убивать моих детей, разрушать города и забирать наше богатство. И тогда я решил, что надо бежать, бежать из этого мира и спрятаться в горах глубоко, глубоко в горах... К тому времени дети Пана Виевича захватили все Ултакские горы, и я решил поселиться со своим народом в Арапайских горах... И хотя здесь жили люди, у которых на высоких горных вершинах стояли крепости, а в ущельях лежали деревушки, но их было не много, и они были мирными... А я поселившись в подгорном мире, совсем отстранился от людей... Мы почти перестали выходить на поверхность земли, а города свои строили глубоко под землей... и жили, жили, жили здесь века.

– Эх, Гмур. – Святозар положил руку на плечо друга, который едва доставал ему до груди, и заметил, – если бы ты немного потерпел, я бы помог твоему народу... Оно как ты ушел в горы незадолго до моего второго возрождения.

– Откуда ты это знаешь? – не прекращая гладить Святозара по руке, и заглянув в его глаза, спросил царь.

– Когда я возродился на земле второй раз и ДажьБог позволил познать мне мою душу, – объяснил Святозар. – И я все вспомнил, то первого кого захотел увидеть, это был...

– Это был я..., – тихо закончил за наследника Гмур, и, опустив глаза, устался в пол.

– Да, это был ты..., – вздыхая, продолжил Святозар. – Но вы не жили на своих землях, а солуанцы уже разрушили твой прекрасный город Галарион... И никто не знал, куда ты ушел.

– Значит, ты не смог бы мне помочь, – горестно молвил Гмур. – Когда мы покидали свои города, они не были разрушены, они были целыми.

– Нет, я бы смог тебе помочь, – откликнулся наследник и сжал плечо царя. – Твой брат Альм, которого я видел почти шесть лет назад, говорил, что между твоим уходом и моим рождением было не больше трех десятилетий... Если бы ты смог их продержаться, я бы не оставил тебя в беде, никогда... Даже если бы еще не познал своей души, я бы не бросил твой народ в беде... Ты же знаешь меня.

– Да, друг, да... я тебя знаю, – откликнулся царь и принялся утирать свои глаза. – Но мы бы столько не продержались, да и откуда я мог знать, что ты возродишься... – Гмур на мгновение смолк, а потом поглядел на наследника и спросил, – но ты сказал, Достойный Бога, что ты встречался с моим братом Альмом. – Царь дотронулся пальцем до перстня на руке Святозара, и, дополнил, – этот перстень я знаю... Я создал его для Альма, и он был очень дорог ему. Означе раз он на твоём пальце значит вас, что-то связывало, что же, мой друг?

– Я спас ему жизнь, а он наградил меня за это магией, – ответил Святозар и погладил полыхающий белым светом камень на перстне. – Я был его учеником...

– Ах, любезный ты мой друг, – улыбаясь, сказал Гмур. – Спаситель мой, ты оказывается спас не только меня и моих детей, но и моего брата... – А морг погода словно спохватившись, вскрикнул, – тогда, накроем столы и будем праздновать нашу встречу!..

– Гмур, мои друзья сидят в темнице, – криво улыбнувшись, заметил наследник.

– Ах, ах, ах! Сейчас же все исправим, любезный Святозар, все исправим, – засуетился Гмур, и махнул в сторону затихшего возле выхода Гатура. – Зови, зови, скорей гомозуль, Гатур... Неси столы, еду, и беги освобождай друзей моего Святозара... Да, чего ты стоишь вывернув глаза, бестолочь... – Рассердился Гмур увидев, что Гатур не двигается с места. – Разве ты, не понял кто к нам пришел? Сам победитель Ерку, знаменитый храбрец и витязь Святозар, прозванный Достойным Бога.

Гатур еще какое-то мгновение безмолвно взирал на Святозара, но когда Гмур на него гневно прикрикнул, побежал вон из тронного зала исполнять повеления своего царя. Святозар усмехнулся, посмотрев вслед убежавшему старшему между рядовичей, и произнес:

– Гмур, а Гатур меня не узнал... А ведь видел меня чаще всех гомозулей, потому что покуда я лежал у тебя, он каждый день приносил мне еду и питье.

Гмур подошедший к Дубыни и радостно теперь его обнимавший, словно старого знакомого, засмеявшись, ответил:

– Друг мой, Святозар, да Гатур всегда был глупцом... И неужели ты мог подумать, что он наберется ума за эти века... нет никогда... Бестолочь он, одно слово... Прислал ко мне гомозуля Гейрека с вестью, что явились восуры желающие видеть меня, и коли я не поспешу вернуться, обещающие разрушать мой город Гальматей... Бестолочь, такая... Если бы он извещил меня о твоём имени, или хотя бы о том, что ты наследник престола, разве бы, друг мой, я так тебя встретил... Никогда дорогой и любезный мой друг, никогда бы я тебя не перебил и не оскорбил бы.

Гмур подступил к Храбру, по-доброму обнял того, и, погладив по руке, заглянул в его серые глаза. Он с интересом оглядел его крепкий, мощный стан, и с теплотой в голосе сказал:

– Какие у тебя Святозар крепкие ратники, богатыри да и только... А этот Храбр. – И царь благодушно улыбнулся наставнику. – Похож на твоего старшего дружины витязя Мстислава, а тот, – и Гмур указал рукой на Дубыню. – На того юношу, который вызвался на бой с поединщиком Ерку, как же его звали?... Ах!.. да, Славомир. Ох, славный он был воин, такой славный... Ничего не боялся, ни поединщика, ни ягинеи, ни смерти... Наверно поэтому она и отступила от него, ни дала ему погибнуть... После боя, когда ты потерял сознание, именно он тебя на руках и нес до моего дворца... Так на руках и нес, всю дорогу... Такой сильный был, хоть и молодой.

– Что ж, Гмур и немудрено, что мои наставники Храбр и Дубыня, – заметил Святозар, сам по-доброму созерцая дружинников правителя. – Похожи на Мстислава и Славомира, ведь

то возможно были их предки, их прапрапра... деды... А, ты, Гмур мне не рассказывал, что Славомир нес меня на руках. Он же был сам весь израненный, как же у него сил хватило то... А Мстислав и вовсе погиб... – и наследник зыркнув на наставников, тяжело вздохнул.

– Друг, мой дорогой, да я тебе много чего не рассказывал, – молвил царь и нанова приблизившись к наследнику, остановился подле него. – Тебе тогда не до этого было, а кое-что я и несмел сказывать, потому как мне запретили говорить...

– О чем это, ты? – поспрашал Святозар и удивленно приподнял брови.

– Да, так..., – пожимая плечами ответил Гмур. – Коли ты не ведаешь, значит и знать тебе того не надо.

В тронный зал стали входить гомозули. Они принесли красные столы, выплавленные из меди и такого же цвета сиденья со спинками, поставили их полукругом да принялись накрывать. Столы были довольно-таки высокими, как раз под таких славных витязей как Храбр и Дубыня, для них поставили широкие, низкие сидения, а для царя и других гомозулей принесли высокие сиденья, чтобы им было удобно сидеть. На золотых и серебряных блюдах по краям украшенных оранжевой яшмой и голубой бирюзой, подали жаренное и вареное мясо и рыбу. А в широких медных мисах густые мясные навары и уху. В зал в сопровождении Гатура вошли Стоян, Часлав, и держащийся за рукоять меча Звенислав, а следом Мал и Изяслав. Гмур кинулся к друзьям Святозара и как прежде обнимал наставников, обнял каждого из друзей, а после, обращаясь к наследнику, и показывая на Стояна, добавил:

– Ну, вот один в один, Славомир... Это ж надо как похож... даже не Дубыня, а этот воин, Стоян, похож на Славомира. У него даже чуб такой же как и у Славомира и также, как и у того ложится волнами.

– Стоян, старший моей дружины, – пояснил Святозар. – И он сын Дубыни.

– А... а..., – протянул Гмур, и, взмахнул рукой приглашая гостей размещаться за столом. – Очень Стоян похож на Дубыню... но больше, все же похож на Славомира.

Гмур усадил Святозара справа от себя и принялся накладывать ему на золотое блюдо мясо и рыбу, да налил ему в высокий золотой кубок чистой воды. Но увидев, что наследник ни к чему, ни прикасается, встревожено глянул на друга и спросил:

– Ну, что же друг мой, что же ты не ешь?

– Гмур, – громким голосом, молвил Святозар, и в зале наступила тишина. – Ни к чему, ни прикоснись коли ты сейчас же не повелишь своим детям открыть двери темницы и выпустить на волю томящихся там. Да не повелишь накормить темничников как следует... Тут у тебя пятнадцать лет томился в неволи мой родственник, брат моей жены Лыбедь... А ведь он пришел к вам, чтобы обучиться ювелирному мастерству, а вы, – и наследник сердито оглядел притихших за столом гомозулей, сидящих по левую руку от царя.

– Ох, да ты, что... твой родственник, – расстроено закачал головой Гмур. – Сейчас же выпустим всех, а твоего свояка, я сам обучу ювелирному мастерству. Кто ж знал, что он твой родственник... Я сам буду его учителем... сам, мой дорогой друг.

– Теперь он вряд ли захочет здесь остаться, и чему либо учиться, – произнес Святозар. – У него одна мечта скорее вернуться домой... И, знаешь Гмур, мои люди, уходя отсюда, уведут твоих пленников, будь добр, во имя нашей дружбы, даруй им свободу.

На глаза Гмура навернулись слезы, он погладил наследника по руке и крикнул Гатуру стоящему возле входа, выполнить повеление Достойного Бога. Гатур кивнул и тотчас побежал исполнять приказ царя и Святозара. И только тогда наследник прикоснулся к еде.

– И, зачем? – отрываясь от еды, спросил Святозар. – И, зачем, ты, Гмур держишь темничников, они на тебя не работают, и всю жизнь проводят в темницах... Устроил эти три прохода... В одном пропасть разбил, в другом голодного ящера посадил... Я чуть в ту пропасть не свалился, хорошо меня Храбр спас. Чуть на ужин к ящеру не попал, хорошо имя его вспомнил, которое, ты, мне когда-то сказывал. Да, хорошо еще, что этот ящер меня узнал и признал

во мне победителя Ерку, а то бы пришлось ему голову мечом ДажьБога отрубить... А, я ведь помню, чего ты тогда сказывал про ящеров, когда водил меня в Ултакские горы, что это древнее и очень мудрое существо, кое убивать не должно, а должно уважать и почитать, должно подчинять себе... А, у самих этот ящер с голоду умирает, видал бы ты, как он облизывался увидев меня... Хотя вернее сказать не увидев, а унюхав..

– Голодный? – взволнованно, переспросил Гмур. – Ах, да это бестолочь Гет его не кормит... Уж я ему задам, за то... А, тот проход с пропастью, то не мы делали, он там был.

– Гмур.. – Святозар развернулся, посмотрел на друга и покачал головой. – А, то я не знаю, вы, али не вы... Ты ж меня водил в Ултакских горах, я ж все помню.

– Кхе... кхе, – смущенно засмеялся царь, и с сожалением в голосе проронил, – ну, хорошо уберем мы его. И камень поставим, чтобы все знали, что в среднем проходе живет ящер... – А после перестав смеяться, и беспокойно воззрившись на наследника, пояснил, – не хочу, я, чтобы кто-нибудь знал где мы живем... Боюсь, что и отсюда нас выгонят.

– Ну, это вряд ли, – откликнулся Святозар и отпил из кубка воды. – Кто захочет жить в этих мрачных подземельях... Да, и потом Восурия теперь граничит с Арапайскими горами, и ни я, ни мои дети ни станут тебя изгонять с твоих земель... Зря ты тогда, века назад, не обратился за помощью к моему деду Граниславу, он бы обязательно помог тебе, и защитил от солунцев и поллов... Хотя твой брат царь Альм, отказался от моей помощи и покинул свои земли... Не хотел он, чтобы восуры бились с племенами рутарийскими, не хотел, чтобы мы за них проливали свою кровь... И знаешь, Гмур, зря он этого не хотел, потому что все равно пришлось посесть, не мне, а моим детям биться с этими племенами много десятков лет подряд... много... – Наследник замолчал, положил в рот кусок жаренного мяса, и неспешно прожевав, добавил, – найти тебя в этих горах трудно... Вед, показала мне где лежит твое царство, еще тогда во-второй моей жизни, но это было много позже того времени как я познал свою душу, много позже, когда я уже не мог покинуть мой народ... А я так хотел посетить и увидеть тебя, однако мне все время это не удавалось... Моя вторая жизнь была слишком насыщена борьбой и войнами, защитой моей веры, народа, Родины, добра! И мне некогда было даже вздохнуть, до самой смерти... Но, в этой жизни мне повезло, у меня есть земной отец... Он моя опора и поддержка в моем жизненном пути... И знаешь, Гмур, у меня скоро родится сын... мой первый сын в этой жизни, и я назову его Горислав.

– Так звали, твоего младшего сына, погибшего в битве с ягынями, – тихо сказал Гмур. – Горислав, горящий во славе, пламенный, он очень почитал Бога Семаргла, и сам был как лепесток пламени, лепесток огня... Помню, как ты скорбел по его утрате... помню..

– Мой отец, Ярил, хотел дать мне это имя, Горислав, – улыбаясь, произнес наследник. – Но так получилось, что я сам выбрал себе свое имя... Имя которым меня назвал ДажьБог. Поэтому я и решил назвать своего сына Горислав, мой отец заслуживает иметь внука с именем, которым хотел величать своего сына.

В зал вошел Гатур, а следом за ним ужасно смущаясь, и встревожено оглядываясь, зашел Лыбедь. Гмур, увидев родственника Святозара, радостно вскрикнул и приказал привести его, и усадить возле себя с левой стороны, да наложив ему на блюдо мяса и рыбы, погладив по руке и плечу, грустно вздохнув, молвил Святозару:

– Я, повелел, Гатуру отпускать всех восуров... И не знал, что они томятся в темницах... Мне очень жаль, что так получилось с ними, и с твоим родственником.

– Гмур, – отметил наследник, и расстегнул на кафтане верхнюю застежку. – Но ведь, не только восуры, не должны томиться в ваших темницах, но и другие люди тоже... Они не сотворили по отношению к твоему народу ничего плохого, ничего злого, почему, же ты заставляешь их страдать, заставляешь их жить в разлуке с близкими, лишаешь возможности проживать свои жизни. Ты, чью примерял на себя рубаху... не пойму я... И разве она по твоим меркам, эта рубаха... Или ты решил, что ты Бог, и это в твоих силах карать и миловать? Но даже

Боги так не поступают. Они мудры наши Боги, и, создавая нас... позволяют нам, людям, идти по пути, каковой мы сами избираем. И даже если мы ошибаемся и сбиваемся с правильного направления, они лишь подсказывают нам, но последнее слово, сам выбор все равно за тобой... Ты, же, друг мой, превратил свою жизнь в битву с несуществующим злом... И в этой битве ты разрушаешь самое прекрасное, что было и еще остается в тебе твою добрую, любезную душу... – Святозар, прервался, и, расстегнув еще застежку на кафтане, дрогнувшим голосом, досказал, – я не могу на это смотреть... Не могу видеть как, ты убиваешь себя, как ты превращаешься... превращаешься в ягнью.

Святозар смолк, тяжело переводя дух и взяв золотой кувшин, налил себе в кубок воды, да разом, осушив, принялся вертеть его в руках, оглядывая прекрасную, тонкую работу. Гмур какое-то время тоже хранил молчание, и беспокойно поглаживал левой рукой свои длинные, рыжие усы, обдумывая слова, дорогого друга.

– Гмур, я хотел вот, что у тебя спросить, – прервал затянувшееся молчание наследник. – Я пришел в твое царство не просто так, мне нужны ворота, которые открывают проход... Ты, наверняка, знаешь, где они... покажешь мне.

Царь гомозулей продолжающий гладить усы, услышав просьбу наследника, на миг неподвижно замер, и, посмотрев на Святозара изумленным взглядом, поспрашал:

– Тебе нужен проход? Зачем? Куда ты собрался? В Ирий-сад, Небесную Сваргу...

– В Пекло, – негромко ответил Святозар.

– Ты, шутишь, – улыбаясь, протянул Гмур. Однако увидев, как Святозар отрицательно покачал головой, убрал улыбку с лица и встревоженным голосом переспросил, – в Пекло, но как это может быть... зачем? И, ДажьБог тебя отпускает, или ты, как в тот раз со мной, идешь сам, не слушая его?

– Нет, Гмур, – объяснил наследник. – В этот раз я иду по тому пути, что предназначал передо мной ДажьБог... Там в Пекле, по-моей вине, томится душа моей матери, и я, иду выручать ее из беды... Когда-то друг мой, я ошибся, и теперь исправляю последствия той ошибки.

– Но, в Пекло... в Пекло, друг мой... Как может ДажьБог тебя посылать туда, – испуганно пролепетал царь, и на его лбу выступила густая испарина. – Оттуда нет возврата, оттуда...

– Ну, Гмур, чего ты испугался, – усмехаясь, отозвался Святозар, и похлопал друга по плечу. – В Пекло иду я, а не моя душа... – И наследник негромко засмеялся. – Было бы страшнее, если бы туда шла моя душа, а тело, если даже и не вернется, то не беда... останется там как дар Чернобогу и Вию.

– Ох, ну и шутки у тебя..., – выдохнул Гмур и вытер ладонью пот со лба. – Но я тебе не смогу показать ворота в проход. Много десятилетий назад, оттуда выскочило громадное кэлэцэ ошевай, громадное...

– Что, что ты сказал, я не понял, – замотав головой, переспросил наследник. – Громадное кэлэцэ ошевай, это кто?

– Это громадное чудовище-великан, – слегка понизив голос, пояснил Гмур. – Такого я еще никогда не видел... Около нас жили и одноглазые озрики, и великаны асилки, и волотоманов я встречал, но такого страшилищу никогда не видел, поверь мне... Он был огромный, с черно-серой гладкой кожей, с ногами и руками, с длинным хвостом, а морда... морда у него была такая жуткая... – Гмур боязливо повел плечами, точно то чудовище стояло позади него. – Чудовище открыло ворота, выскочило оттуда и побежало. По дороге оно разрушило наши дворцы, завалило проходы, и, пробив в горе дыру, вылезло через нее и убежало. А, следом сквозь эту дыру упал с неба золотой луч и по нему спустился Бог Семаргл. У него в руках был золотой бич, он громко крикнул на языке Богов «слова силы», взмахнул бичом и ударил по воротам. И незамедлительно ворота вспыхнули, загорелись желто-красным огнем и сгорели дотла, превратившись в каменные стены. Семаргл поднял руку и завалил коридор к воротам

камнями, да улетел... Тогда и закрылся проход к ящеру, с которым ты встретился... вот так, друг мой любезный.

– Ах, ты, как же это не хорошо, – до конца расстегивая застёжки на кафтане, протянул Святозар. – Как не удачно. Значит, Семаргл уничтожил ворота, потому что из них выскочил Нук. Но, как, же прескверно это для меня... Не могли они, что ли подождать... все равно он уже выскочил... ах... ах... ах...

Гмур протянул руку, и ласково поглаживая наследника по руке да заглядывая ему в глаза, по-доброму молвил:

– Не расстраивайся, Святозар, ведь это было давно уже, я же сказал несколько десятилетий назад... Мы уже успели и дырку заделать и дворцы вновь отстроить... Но чудовище было ужасно, ужасно, поверь мне... Когда мы только пришли в Арапайские горы и поселились, здесь тоже обитал великан... Как же его звали? ах, да, Горыня... Он тут людей, живущих на вершинах, обижал и поедал... нас, правда, не трогал, мы же в глубине гор поселились, нас было не достать... Но потом его победил кто-то...

– Его победил я, – расстроенным голосом, ответил Святозар, и налил себе в кубок воды. – А, то чудовище которое вылезло из прохода, был его сын... Он пришел в Явь мстить моей семье, за то, что я победил Горыню... Но ДажьБог послал меня, чтобы я спас моих детей и мой народ. Почти пять лет назад я убил это чудовище, Нука.

– О... о... о!... – восторженно глядя на наследника, протянул Гмур. – Ты все же великий воин Святозар, раз смог победить таких двух страшных кэлэцэ-чудовищ.

– Мне помогла магия, которой меня научил царь Альм, – произнес Святозар и отпив воды из золотого кубка, посмотрел на царя. – Это так не удачно, что ворота сожгли... Я проделал такой длинный путь до тебя... А теперь мне придется нырять в Восточное море. – Наследник поставил кубок на стол, провел пальцем по его золотой поверхности и заметил, – а там, Черномор... И думаю я, дюже он зол на меня, после тех сказов, что про нашу встречу сказывают.

Святозар положил себе на блюдо еще рыбу, и принялся неспешно есть, все время при этом тяжело вздыхая, вспоминая свою встречу с Черномором, в этой жизни и в жизни Богомудра. Гмур отвлекся от наследника, заговорив о чем-то с Лыбедем, а сидящий справа от Святозара Стоян, услышав, как друг муторно вздыхает, похлопал его по спине, и спросил:

– Святозар, что случилось?

– Ах, друг мой, такая неприятность, – вытаскивая из рыбы длинную, прозрачную кость, сказал наследник.

Храбр, сидевший следом за Стояном и разговаривающий с Дубыней, услышал речь наследника, и тут же прекратив с другом беседу, повернул голову в сторону Святозара и взволнованным голосом, поспрашал:

– Какая неприятность?

– Ворота в проход Бог Семаргл уничтожил... – Посмотрев на встревоженные лица Стояна, Храбра и Дубыни, ответил Святозар, – и мне теперь придется искать вход, через Восточное море и царство Черномора... И, ох..., как мне не хочется туда нырять. Это ведь не мой друг Гмур... А Черномор, который очень, очень не любит меня и ДажьБога. Мне просто повезло тогда, когда мы плавали в Беловодье, что он не узнал меня... А то бы, не удалось нам так спокойно уплыть оттуда, уж поверьте, вы, мне.

Глава вторая

Царь гомозулей и Святозар пировали очень долго и, вконец утомленных гостей, Гмур самолично проводил в покои на верхние этажи дворца. Святозару достались покои на втором этаже, как раз напротив опочивальни самого царя. Когда наследник вошел в покои, то от неожиданности бездвижно застыл на месте, поддавшись горьким и тяжелым воспоминаниям. Опочивальня в которую он попал точь-в-точь походила на те покои в оных много дней подряд, в величественном городе Галарионе, излечивался от страшных ран нанесенных ягынней Ерку, Святозар. Точно такие же лазурные стены, потолок и пол, обложенные бирюзой, такое же деревянное, широкое ложе с искусно вырезанными высокими спинками украшенными белым жемчугом, такое же белое белье, укрытое лазурным укрывалом, и даже стоявшее подле него высокое, золотое сиденье со спинкой. Святозар оглянулся и удивленно посмотрел на Гмура, а тот, уловив безмолвный вопрос в его глазах, тихо сказал:

– Ничего не утеряно... все как было при тебе, так мы и привезли. Я, сохранял эти покои в том самом виде, в каком они были, когда ты жил у нас, и даже бирюзу мои гомозули сняли с тех стен, потолка и пола, в Галарионе. Чтобы всё... всё мне и моим детям напоминало о твоей, мой друг, доблести...

Святозар был не в силах, что-либо ответить, и продолжал стоять и взирать на эти покои, которые сохранили в себе столько боли и пережитых, когда-то им, душевных и физических страданий. Он стоял и взирал на них и даже после того, как Гмур, пожелав ему доброго сна, прикрыл дверь и ушел. И думал наследник... опять настойчиво думал, о том, как много может нести на себе, тяжелых последствий, однажды не верно выбранный путь... Как может целый народ, светлый и добрый, такой как гомозули уйти куда-то вглубь земли, скрыться от людей, от жизни и потерять свою чистую, волшебную душу, постепенно превращаясь во, что-то скверное и злое. Наследник подошел к ложу, и погладил рукой теплое, лазурное укрывало, белое белье, деревянную спинку и прекрасные камни морского жемчуга. Да, несомненно, это то самое ложе на каковом когда-то он спал, но как же гомозулям удалось его привести, сохранить и доставить сюда в глубокие подземелья Арапайских гор, и потом хранить долгие века, как память о нем, о первом правителе Святозаре по реклу Достойный Бога.

Наследник еще долго прохаживался по покоям, оглаживая и сиденье Гмура, и ложе, и два серебряных, низких, круглых с выгнутыми ножками столика. Он трогал руками обложенные бирюзой стены, выглядывал в широкое окно, где вместо стекла был вставлен бесцветный горный хрусталь, а после, затушив факелы укрепленные в углах стен, разувшись и раздевшись, лег на ложе, да закрыл глаза. И первое, о чем вспомнил он, сомкнув очи, был увиденный им, Богомудром, разрушенный солуанцами до основания великолепный город гомозулей Галарион. На месте когда-то величественных дворцов, площадей, улиц и затейливо обложенных прудиков лежали каменные развалины, поросшие густыми травами и молоденькими деревцами, поднимающимися из-под наваленных в груды валунов, наследник тяжело вздохнул, а мгновения спустя уснул.

Святозар проснулся, хорошо отдохнув, и покинув свою лазурную опочивальню, по широкой лестнице из фиолетового аметиста спустился в тронный зал, застав там расстроенного царя, одиноко сидящего, за все еще накрытыми столами, где на золотых и серебряных блюдах находилась остывшая еда. Наследник подошел к другу, сел подле него, и, погладив по маленькому плечу, спросил:

– Гмур, ты, чего загрустил?

– Ты, сказал, перед тем как ушел на покой, что как только проснешься, сразу отправишься в путь, – вздохнув, ответил царь.

– Да, я не могу задерживаться, пойми это. Я же тебе объяснил все, мне надо идти, – участливо молвил Святозар, стараясь успокоить друга. – Там, в Пекле мучается душа моей матери, и я могу ей помочь, спасти ее... Я не должен задерживаться.

– Ну, может, ты погостишь у меня, совсем немного? – жалобным голосом попросил Гмур, и, переведя взгляд с полупустого блюда, на котором лежало мясо, посмотрел в глаза Святозара.

– Ох, Гмур, – покачав головой, откликнулся наследник. – Я и так у тебя уже нагостился. – Святозар оглядел пустой зал, и, пожав плечо друга, поинтересовался, – ты, лучше скажи мне, где мои друзья и наставники?

– Им показывает наш город Гальматей, мой старший сын Геннет, – пояснил Гмур и губы его чуть зримо колыхнулись.

– Как Геннет? – удивленно спросил наследник. – Твоего старшего сына звали Гефий.

Царь внезапно громко и протяжно выдохнул, на глаза его навернулись слезы и дрогнувшим голосом, дюже тихо, он проронил:

– Нет, Гефия, друг мой, нет уже давно... Нет Гефия, Гюлтея, Гердия, Гамра, Гувелла, Гёста убили моих сыновей солунцы и поллы, очень давно убили. Теперь старший мой сын Геннет, так-то, друг мой.

Святозар увидел, как из голубых глаз царя на щеки потекли слезы, он склонил низко голову и принялся утирать их. Наследник ласково погладил друга по спине, и также негромко сказал:

– Гмур, но за эти века у тебя наверно родились еще сыновья, не плачь, друг мой, по погибшим, не плачь.

– Ах, Святозар, – трепыхающимся голосом объяснил Гмур. – В том то и дело, что больше у меня не рождалось сыновей... Здесь в пещерах дети рождаются весьма редко... так редко, – всхлипнув, добавил царь, – что для нас каждый раз это праздник. Такой праздник... такой... А у меня уже давно не рождались дети. Последней родилась дочь Гурея... и эта радость случилось тоже вельми давно. Знаешь, друг мой, наверно мы вымираем, загнали сюда себя, в эти пещеры и вымираем.

– Вы же бессмертны, Гмур, – продолжая гладить царя по спине, протянул наследник.

– Да, мы, бессмертны, – кивнув, прошептал царь и утер ладошкой нос и щеки от слез. – Но нас можно убить кинжалом, стрелой, мечом... Так, что по сути мы не бессмертны, просто не подвержены как люди хворям... Но смерть и нас не обходит стороной... Ты, Святозар, ушел отдыхать, а я сидел и думал о твоих словах, о том, что я бьюсь с несуществующим злом и разрушаю свою душу и души моего народа. – Гмур внезапно развернулся к наследнику, и схватив его руки в свои, прижал к груди и быстро, быстро зашептал, – да, да, друг мой, ты тысячу раз прав. Я разрушаю свой народ! Я превращаю души детей моих в черноту!.. Если бы ты знал, как стали они злобны, не только на людей, но и друг на друга... как часто они стали... – Царь на миг затих, и, сделав глубокий вдох вымолвил, – убивать друг друга... Ты представь, друг мой, гомозули убивают друг друга... кинжалом в сердце... Так погибла моя дочь Гёльня.. Ее убил собственный муж, а засим зарезал себя, а все потому, что не рождались у них дети... И таких случаев стало все больше и больше... Ты, прав, ты, прав Святозар, мы стали превращаться... – Гмур затих, и тяжело задышав, да округлив глаза, выпустил руки наследника из своих и закрыл ладонями себе рот, страшась услышать ужасное слово из собственных уст.

– Вы, превращаетесь в ягыню Ерку, это ты хотел сказать, – заметил Святозар и черты его лица порывчато сотряслись. – Еще немного и вы начнете как они разрывать руками плоть людскую, грызть ее и поедать... И тогда придется вас останавливать, так как когда-то я остановил Ерку. – И наследник похлопал по мечу ДажьБога, висящему в ножнах на поясе. – Друг мой, Гмур, ты всегда был светлым сыном Бога, твой народ всегда был чистым и мирным... Прошу тебя пока не поздно, измени тот путь, который ты избрал и который ведет тебя в пропасть к гибели... Я ухожу в Пекло... но я вернусь оттуда... И думаю я, тогда нам стоит воз-

обновить нашу дружбу и стоит восстановить общение между моим и твоим народом. Поэтому я буду ждать от тебя ответного визита в мой Славград, например через год... И еще... Пришло, наверно, время создать сказ про битву восуров и ягыней, чтобы мои люди слышали эти сказанья и помнили о той великой дружбе, которая была между первым восурским правителем Святозаром и доброхотом, заботником, рачителем, благодетелем, заступником, царем всех гомозулей, Гмуром Достохвальным и Достопочтенным, Старшим Кузнецом всех кузнецов, Величайшим Ювелиром всех ювелиров. – Святозар улыбнулся, и, увидев на лице друга изумление, добавил, – кажись в твоих величаниях, ничего не упустил.

Гмур отпустил ладошки прикрывающие рот, и, пожав плечами, поинтересовался:

– Откуда, ты такое величание слышал?

– От Гатура, – ответил наследник.

– Вот же этот Гатур..., – сердито проронил Гмур и нахмурил лоб. – Гляжу я, пора его, пока не поздно, вышвырнуть из старшего между рядовичами... Мало того, что он бестолочь... так еще плетет неизвестно, что... беда с его лживым языком, беда, да, и только.

– Что ж, язык всегда можно вырвать, – негромко засмеявшись, откликнулся Святозар. – Мой друг Звенислав предлагал ему это сделать... ха..ха... ха.

– Придется так и поступить, – улыбаясь в ответ, согласился Гмур. – И попросить твоего друга вырвать Гатуру язык, чтобы он больше ничего не выдумывал и не прибрехивал.

Гмур задорно засмеялся, а через миг уже наново утирал глаза, но только от слез радости. Когда смех затих, царь поднял со стола утиральник, и показал наследнику маленький коробочек, похожий на крошечный сундук. Сам коробочек был сделан из красной яшмы, украшенной на верхней крышке тремя красными рубинами и маленьким золотым крючком, при помощи которого замыкалась крышечка. Гмур открыл крючок, поднял крышку, и внутри сундучка оббитого желтой ворсистой тканью оказался золотой, крученный, тонкий браслет, богато украшенный розовыми, крупными, искусно ограненными алмазами.

– Это подарок, твоей жене, – сказал Гмур. – Знаю я, тебя одаривать нельзя... или может можно?

– Нет, нет, друг мой, – отрицательно качал головой Святозар. – Мне ничего не нужно... ничего.. Увидеть тебя, поговорить с тобой, это и есть дар... Дар для меня будет твой приезд в Славград, вот и подаришь тогда это моей жене.

– Нет, прошу тебя, Святозар, возьми этот дар, для своей жены, – попросил Гмур и просящее воззрился на наследника. – Это дар не для тебя, для нее... ты не можешь отказываться... Даже если ты пойдешь в Пекло, пусть твои друзья, передадут его ей от меня... Ведь как правильно я понял ты туда идешь один? – спросил царь, и, увидев кивок наследника, продолжил, – а когда я приеду к тебе в гости... В следующем году, я привезу дар твоему отцу и сыну... Ты, не можешь отказаться, – дополнил Гмур, и, закрыв коробочек, передал его Святозару.

– Хорошо, Гмур, я возьму твой подарок, для Любавы. Но мы с тобой, значит, решили, – принимая дар царя в руки, молвил наследник. – На следующий год я жду тебя в Славграде... и даже если меня там не будет. Если вдруг я не вернусь из Пекла. – Святозар увидел как покривилось лицо друга. – Я прошу тебя познакомься с моим отцом и поведай ему сказ о нашей дружбе и битве восур с ягынями... А всех твоих пленников я уведу с собой, пусть люди будут свободны, друг мой, хорошо?

– Да, Святозар, – произнес Гмур и горестно вздохнул так, точно виделся с наследником последний раз. – Я выполню твою просьбу и буду на следующий год в Славграде, но я прошу тебя... Прошу тебя, вернись из Пекла живым... И еще... всем пленникам которые томились у нас, я тоже передам небольшой дар, каждому по два золотых перстня с изумрудам и сапфирам. Может они их продадут, там у себя на Родине, и это поможет им безбедно жить... И хоть как-то этот дар окупит то, что мы сотворили с их жизнями...

Святозару однако пришлось задержаться еще на одну ночевку у царя Гмура так, как собрать в поход пленников гомозуль было не просто. У многих из них не было теплой одежды, обуви, шапок и пока наследник создавал необходимые для дороги вещи и чинил старые, гомозули собирали для уходящих заплечные клетки, похожие на восурские мешки, положив туда жаренное мясо, которое поможет продержаться людям в пути. В плену у гомозуль томилось пятьдесят четыре человека: четверо было восуров, одиннадцать атинцев, а остальные лонгилы. Еще семерых лонгилов не смогли взять с собой, потому как они были пожилыми и выдержать зимний переход не смогли бы. Оставляя их у гомозуль, Святозар потребовал от Гмура обещание, что этих людей он не будет держать более в темницах, а поселит среди своих детей, а наступившим летом выведет и передаст кочующим по Арапайским горам лонгилам.

Гмур простился со Святозаром возле лестницы дворца, своего прекрасного, подгорного города Гальматея. Он так безудержно плакал, что ни его ярко-рыжему сыну Геннету, ни самому наследнику не удалось его успокоить. Царь на прощание обильно покрыв штаны Святозара слезами, моля его лишь об одном, вернуться живым из Пекла, а после, повелев Геннету, и приближенным к его сыну, проводить путников до выхода из пещеры, поднялся на лестницу и долго махал там, на прощание, правой рукой, левой ладонью утирая текущие по лицу слезы.

Выйдя из пещеры, на божий свет, путники пошли по лазурной тропе, которую создал Святозар. В горах было довольно тепло, а яркое солнце держалось на голубом небосводе несколько дней, помогая людям в их тяжелом обратном пути. Впереди всех шел Мал, за ним следом Изяслав, Звенислав и Часлав, затем бывшие темничники гомозуль, а замыкали идущих Дубыня, Стоян, Святозар и Храбр. Первым среди лонгилов ступал Чопжу, который нес то под рубахой, то на руках несмолкающего ни на миг Нынышу, чью власть признали не только пять сидящих рядом с Чопжу лонгила, но и все остальные пленники из его народа. И когда на привале Святозар создавал наметы, то все лонгилы толпились возле кущи Чопжу, который с важным видом располагался в ее середине, и, держа на коленях Нынышу, переводил его слова, своим братьям.

– Знаешь Святозар, – сказал Дубыня на одном из привалов. – А, похоже лонгилам нравится наша вера. Я гляжу, они перестали биться головой, да шептать тыйчтын, тыйчтын. Тока я так и не понял, что это значит.

– Это значит, грешен, грешен, – ответил за Святозара Храбр.

Во время обратного пути до деревни Крайняя Святозар джеже уставал. И это не только от тяжелой горной дороги, каковая сменялась то теплым, ясным, безоблачным днем, а то пронизывающим, холодным ветром несущим темно-синие закрывающие небосвод тучи. То сыплющийся мелкой острой крупой, а то наоборот накрывая путников огромными пушистыми покрывалами снега... Но и тем, что ему все время приходилось использовать магию. Ежевечерне он создавал множество наметов и укрывал, излечивал обмороженные пальцы и уши, а также несколько раз во время пути останавливал сходящие на них лавины. Святозар чувствовал, как от постоянного использования магии, да еще и в таком количестве, силы стали покидать его, словно творимое волшебство забирало у него здоровье и мощь.

Особенно это ярко проявилось на восьмой день пути. В тот день они спускались по склону горы поросшей высокими елями. С утра была теплая погода, на голубом небе ярко горело солнце, а поблескивающий в его переливах снег слепил глаза, но к полудню подул холодный ветер, и повалил густой снег. Внезапно в вышине, что-то громко гроыхнуло, будто началась гроза, горная круча сотряслась, и послышался страшный глухой гул. Наследник поднял голову и увидел огромный бурный поток снега, устремившийся с вершины вниз по находящемуся на склоне горы желобу, по пути погребая под собой хвойные леса. Святозар видел, как быстро разрастается огромный снежный поток, и то уже был не поток, а вал, в котором мелькали поломанные стволы елей, ветки и даже камни. Наследник протянул руки вперед и зашептал заговор: «О, Великий Бог и славный витязь ДажьБог! Ты когда-то победивший морозы,

пургу и снег, порождение Чернобога! Ты, отрекающийся от Зимы и идущий к Весне! Даруй мне силы создать преграду перед снежной лавиной, белой смертью! Именем твоим, ДажьБог повелеваю!» И тотчас, вылетевший вперед из рук лазурный луч, мгновенно разросся, создавая нечто вроде огромного щита. Лавина стукнулась об ту преграду, впитав в себя и сам щит и лазурь, на миг отпрянула назад, а после улеглась на склоне, выпустив в воздух переливающиеся снежные крупинки. Путники наследника радостно закричали, а Нынышу, сидящий на руках Чопжу громко крикнул: «Слава ДажьБогу!» и на удивление этот возглас все поддерживали и даже лонгилы. Не радовался только Святозар, который, почувствовал такую слабость, что хотел и вовсе прекратить дальнейшее движение и улечься спать прямо здесь на снегу. Но когда все продолжили путь, он, прикусив губу, поборол в себе слабость и пошел следом за Стояном.

Однако к вечеру наследник настолько выбился из сил, что с большим трудом смог создать для путников кущи и укрывала, и даже не поев, несмотря на протесты наставников, сразу пошел укладываться на покой. Проснувшись следующим утром, Святозар ощутил себя совершенно разбитым, точно его колотили всю ночь деревянными кольями. Впрочем не показывая вида тронулся в путь, потому как Мал сказал, что к вечеру они может, придут к избам ведунов-отшельников. Святозар боролся с навалившейся усталостью весь день, но когда к вечеру, они спускаясь с горы наконец-то увидели избы ведунов, позволил себе остановиться на середине спуска и лечь спиной прямо на снег. Храбр шедший следом за наследником, встревожено позвал Стояна и Дубыню, которые сошли намного ниже, а сам стал ощупывать голову Святозара.

– Что, сынок, случилось? – беспокойно поспрашал наставник.

– Устал я, – тихим голосом ответил Святозар. – Сейчас отлежусь и пойду дальше...

– Да, как же лежать на снегу, – не менее встревожено протянул Дубыня. – Застудишься совсем.

– Ну, хоть чуть-чуть, утомился я, – проронил наследник и тягостно сомкнул очи.

– Он, наверно захворал, – предположил Стоян, усевшись на присядки подле друга. – Я слышал он всю ночь сегодня стонал, точно его бьют... Я ему и лоб ночью щупал, но он был не горячий, а даже наоборот холодный. Я его потом укрыл еще укрывалом, думал он замерз.

– Нет, – не открывая глаз, пояснил Святозар. – Это просто магия меня вымотала, сил не осталось. Сейчас отлежусь, и пойдем дальше... Совсем немного полежу, хоть чуть-чуть и тогда пойдем, – прошептал наследник чувствуя слабость даже в туго растягивающихся губах.

– Нет, лежать нельзя на снегу. Ты и так совсем холодный, – откликнулся Храбр и принялся снимать с себя заплечный мешок. – Дубыня возьми мой мешок, а я понесу Святозара.

– Ты его унести не сможешь, – заметил Стоян и также принялся снимать с плеч мешок. – Отец возьми мой мешок. Святозара понесу я, потому что я самый молодой и сильный.

– Нет, – открывая глаза и поднимаясь, да усаживаясь на снегу, немедля отозвался наследник. – Никто меня не понесет, я сам пойду.

По склону горы к Святозару, наставникам и Стояну поднялись Часлав и Звенислав, которые спускались впереди всех путников, но увидев, что други остановились, поспешили к ним.

– Что, случилось? – взволнованным голосом спросили Часлав и Звенислав.

– Святозар выбился из сил, – ответил Стоян и зыркнул на друзей. – Слишком много раз пользовался магией. Часлав скинь мешок, и мы его донесем донизу.

– Нет, никто меня не понесет, – раздраженно сказал Святозар увидев, что Часлав принялся снимать заплечный мешок. – Я сам дойду, ну чего вы, в самом деле... Я просто передохнуть хотел.

Святозар оглядел встревоженные лица друзей и наставников, и, ухватившись за плечо Стояна, принялся подниматься на ноги. Встав в полный рост, он еще какое-то время, стоял малеша покачиваясь, и взяв в руки лыжные палки, да сняв с себя заплечный мешок и отдав его

Храбру, вmale принялся спускаться следом за Стояном, который постоянно оглядывался, останавливался и предлагал все же донести друга до подножия горы. Святозар чувствовал такую усталость, такую слабость в ногах, но преодолевал себя, потому как не хотел висеть таковой тяжестью на плечах друга. Этот спуск с горы показался наследнику каким-то бесконечным, а ноги слишком вялыми и плохо идущими, но как всегда всему приходит конец, так и этот спуск завершился. До изб ведунов было падать рукой, оставалось пройти совсем чуть-чуть. Одначе спустившись с горы Святозар опять остановился, и, повиснув на двух лыжных палках застыл на месте, впереди лежала уже не лазурная тропа, а тропа пробитая только, что Малом и путниками.

– Сынок, – сказал подошедший, сзади Храбр и похлопал его по спине. – Ну, чего ты себя мучаешь, давай обопрись на меня или Стояна, и мы поможем дойти... У тебя же ноги заплетаются, я это давно наблюдаю... Еще вчера я это увидел, как ты после остановки лавины тяжело стал идти, точно тебя сверху чем-то придавили... И чего ты, такой упрямый, не пойму... Нешто мы не видим, сколько душевных и физических сил ты на нас потратил... И вообще надо было не создавать эти наметы и укрывала сами бы донесли... а то все налегке идут, а ты все свои силы то на нас и потратил...

Стоян и Часлав подошли к наследнику, оторвали руки друга от палок, и, перекинув их через свои плечи, двинулись к избам отшельников, возле которых уже располагались уставшие путники.

– И чего Храбр, ты его уговариваешь, – сердито заметил Стоян, увидев, что наследник попытался снять руку с его плеча. – Что, как его наставник не можешь ему повелеть, приказать... Все то ты с ним милуешься, да уговариваешь.. а он разве, уговоры понимает. Покуда не потеряет сознание, от усталости или хвори, все будет ерипениться...

Стоян и Часлав так крепко ухватили Святозара за руки, что вырваться было бесполезно, и потому наследник смирился со своим положением, и быстро дошел до изб ведунов. Седовласый старец ведун по имени Берий встречал путников, вместе с другими ведунами на дворе, а увидев уставшего, обессиленного наследника ведомого друзьями, поспешил к ним навстречу. Он пронзительным взглядом голубых очей осмотрел Святозара, да тут же повелел вести его в свою избу, где ему помогли раздеться Стоян и Храбр, и уложили на ложе ведуна. Берий сел подле Святозара на ложе и потрогал его лоб. Это был высокий и крепкий старец, и, несмотря на почтенный возраст, сохранивший необычайную силу. У него были длинные седые волосы, борода и усы, чистое, светлое и очень красивое лицо, усеянное крупными и мелкими морщинами и голубые глаза. Он протянул руку к лицу Святозара и своими старческими пальцами с сухой и обветренной, от труда и времени, кожей провел по щекам и глазам наследника, и, покачав головой, медленно проронил:

– Нельзя так не разумно использовать магию... Магия даруется телу и душе, и также как и труд, она высасывает из тебя силы. Использовать магию надо тогда, когда в ней есть необходимость... лечение, защита... А, уж кущи и укрывала, наследник, витязи, сопровождавшие тебя, могли бы и донести.

– Просто..., – начал было Святозар.

Но Берий замотал головой, положил свои пальцы на губы наследника и добавил:

– А, теперь ты молчи... ты очень холоден. Тебе надо согреться и поспать, потому ты закрывай глаза и отдыхай, а я прошепчу заговор, чтобы снять с тебя хворь.

Святозар закрыл глаза и под тихое шептание Берия быстро уснул. Наследник проснулся через два дня, глубоко за полдень, отдохнувший и набравшийся сил. Он открыл глаза и первое, что услышал неторопливое потрескивание дров в печке, что стояла посреди комнаты ведуна возле его ложа. В комнату через четыре небольших оконца вливался яркий дневной свет, а солнечные лучи играли на деревянном, струганном полу. Святозар потянулся, и, поднявшись с ложа, огляделся. В комнате, в которой находилось еще два пустых ложа, широкий деревян-

ный стол, да лавки никого, кроме него, не было. Но не успел наследник подняться, как открылась дверь и в комнату вошли Берий и еще один ведун. Берий увидев поднявшегося Святозара, заулыбался, и приветливо осмотрев его мудрыми светло-голубыми старческими глазами, сказал:

– Ну, вот я гляжу, ты отдохнул и набрался сил, мальчик мой, и теперь можешь продолжить свой путь, только прежде надо покушать. Тихоня, – обратился он к другому ведуну, который был значительно моложе Берия. – Будь добр, позови Храбра и Дубыню, скажи им, что наследник пробудился... Да и принеси, конечно, покушать. А то без еды, человек точно травинка без света ни жить, ни расти не станет.

Тихоня кивнул, а Берий пригласив Святозара располагаться за столом, взял с печи небольшую мису с теплым молоком и поставил ее на столешницу.

– Попей пока молочка тепленького, – молвил Берий и погладил Святозара по каштановым кудрям волос.

Наследник, удобно расположившись за столом, принялся пить горячее молоко, когда в комнату вошли Храбр, Дубыня и Стоян, а следом Тихоня внес в мисе укрытой утиральником ячневую кашу с творогом, да большой ломоть хлеба, и, поставив перед Святозаром, подал ему ложку.

– Ну, что, – принимаясь за обжигающе горячую кашу, спросил наследник, и подул на ложку. – Я так устал, что уснул, а люди как же?

– От, ешь ты, спокойно, – сев рядом с наследником и потеревив его по волосам рукой, ответил Храбр. – Все тебе до всех дело есть, за всех тревожишься... Ты, чего думаешь кроме тебя не кому за этих гомозуленных темничников побеспокоиться, да?

– Угу, – улыбнувшись, заметил наследник, и положил в рот полную ложку каши.

– Они вчера утром ушли в деревню Крайняя, их повел Изяслав, Звенислав и Часлав, – пояснил Храбр. – Мы решили остаться здесь, куда ты не наберешься сил.

– Я уже набрался, можно отправляться в путь сегодня, – откликнулся Святозар.

– Нет, – отрицательно покачав головой и огладив к низу длинную седую бороду, сказал Берий сидевший за столом напротив Святозара. – Сегодня, ты, наследник никуда не пойдешь, удержишься еще на одну ночь здесь. А завтра с утра, ты будешь достаточно силен, чтобы продолжить путь до деревни Крайняя и Валадара.

Святозар поднял голову, глянул в глаза старца и согласно кивнул, чувствуя, что Берий прав, и стоит здесь задержаться на ночь, чтобы поесть каши и хлеба, да набраться мощи. Берий увидев кивок наследника, довольно улыбнулся, и, неспешно переведя взор на Храбра, произнес:

– Вот, видишь Храбр, согласился... А ты, говорил, что он упрямец и его не переспоришь... Выходит не прав ты был, очень покладистый он юноша.

Святозар слегка развернулся, и, засмеявшись, зыркнул на покрасневшего наставника, не ожидавшего, что его слова придадут огласки и теперь смущенно смотрящего на ведуна.

– Видишь, Храбр, Берий сказал покладистый, я юноша, – откликнулся Святозар, и, положив на стол ложку, отпил из мисы молока. – Так, что выходит ты навет на меня говорил... ха... ха... ха.

– Да, уж, покладистый... – заступился за наставника Стоян. – Правильно Храбр сказал, упрямец он... Себя никогда не пожалеет. Не облегчит своего пути, хотя ему это и предлагают.

Святозар не стал спорить с другом, продолжая пить молоко, а Берий уставившись на смущенного Храбра и улыбающихся Дубыню и Стояна, негромким голосом, сказал:

– Видел я, наследник, духа которого ты создал... Великое творенье. Таких духов ведуны не могут создавать, та магия доступна лишь Богам... Это великая магия, великая... И главное, что мне понравилось, – и Берий тихо засмеялся. – Что Нынышу, очень мудр... И все порывался тебя излечить, узнав, что ты заболел, словно сам владел магией. – Старец замолчал,

любопытным взглядом оглядел Святозара и спросил, – ты, наследник, когда-нибудь встречал духов созданных ведунами, да?

– Ну, не то, чтобы ведунами, – ответил наследник и поставив чашу на стол, тяжело вздохнул, вспомнив свою дочь Дарену. – Но духов я таких встречал, это правда... Но тот кто их создавал, не был ведун, он был ребенком Бога и человека. И владел светлой магией.

Берий на миг затих, не сводя внимательного взгляда с наследника, а погода добавил:

– Ты, великий человек, наследник Святозар, и тебя ждет впереди еще, что-то более величественное, чем то, что ты умеешь.

– Что ты хочешь сказать этим, Берий, – встревожено спросил, до этого сидевший молча возле старца Дубыня.

– А, то Дубыня, что у нашего наследника светлая и чистая душа, жертвенная и любящая, – тихим голосом протянул старец, и с почтением посмотрел на Святозара. – И это видят не только его близкие и друзья, не только люди, с которыми он едва соприкасается, но это видят и наши великие Боги. И такими людьми как наследник они дорожат, и таких людей они избирают, и направляют их поступь к новым свершениям и к великим поступкам.

Глава третья

Рано утром следующего дня Святозар, наставники, Стоян и Мал покинули ведун-отшельников, а к вечеру уже прибыли в деревню Крайняя, где большак Сеслав поведал им, что Изяслава и друзей наследника, вместе с лонгилами и восурами он на санях уже отправил в Валадар, а атинцы снабженные санями уехали в город Тангортам. На другой день, взяв лошадей, выехали в Валадар, делая остановки в деревнях при дороге лишь на ночь.

К девятнадцатому березозолу прибыли в Валадар, спешившись у ворот дома воеводы, где их встречали Часлав, Звенислав и Велемудр. Святозар передав поводья Чаславу, и, несмотря на увещевание Храбра и Стояна сразу отправился спать, сославшись на то, что он весьма устал.

Проснулся он только через сутки, и, покинув свою опочивальню, спустился вниз в гридницу, где за столом сидели воевода и наставники. Храбр увидев пробудившегося наследника, недовольным голосом погнался в баню, и, сказав Святозару, что им надо перемолвиться, пошел следом за ним.

Святозар забрался на верхний полок, улегся там, скривив лицо, и спросил у наставника, который положив горячий веник ему на ногу, спустился вниз:

– О чем ты со мной хотел поговорить Храбр?

– Сынок, Святозар, – ответил Храбр. – Ты, тока не тревожься, спокойно меня выслушай.

– Ох, наставник, – заметил наследник, и глубоко вдохнул горячий банный дух. – Когда, я слышу такие слова, то уже начинаю тревожиться... Что случилось?

– Да, ничего не случилось, – откликнулся Храбр, и, набрав широким ковшом холодной воды, облил себя. – Через два дня начнется масляница, и нам сынок, придется остаться на праздниках в Валадаре, надо ждать кады вскроется ото льда река Вала. Воевода, покуда ты отдыхал, сказал, что она к концу березозола вскрывается, ну, еще дней десяток покуда ото льда очистится... Так, что хошь не хошь, а лишь к четвертому, пятому цветению мы сможем отправиться в путь к Восточному морю... Так, что ты уж, мальчик, к этому спокойно отнесись, не тревожься значит и не беспокой то душу свою вынужденным отдыхом. – Наставник развернулся и поднявшись к наследнику на полку, заглянул ему в лицо, негромко добавив, – ну, я, то конечно рад, такой задержке... Потому, что ты хоть перед трудной дорогой, перед, – и Храбр тяжело вздохнул. – Перед Пеклом хотя бы отдохнешь, да отъешься, оно как видел бы тебя Ярил, уж так ты, на этих помоях гомозульских исхудал, смотреть страшно... Да душой-то от их скверного отношения к нам исстрадался.

Храбр наново вздохнул, и, спустившись на нижний полку, окунул голову в таз, охлаждая ее. Святозар дождался, когда наставник, отплеываясь, и ухая от удовольствия, вынырнул из таза, и спросил:

– Храбр, а никак посуху нельзя доехать до берега Восточного моря, а там сесть на ладью?

– Святозар, – недовольно покачав головой, ответил наставник. – Ну, ты меня удивляешь. Ты, чего карту Восурии не смотрел, – порывчато хмыкнул Храбр. – На реке Валу Валадар это самый крупный город, ниже по течению нет городов, лишь деревни, а в них ладьи, как ты знаешь, не зимуют.

– Да, нет, Храбр, карту я смотрел... охо-хо, – застонав, протянул наследник. – И все удивлялся, ну до чего не разумно у нас устроены окраины страны... Где начиная от Арапайских гор и заканчивая Ра-рекой и стоящим на нем Приславлем, ни одного города... А Южное море и того хуже, вроде берег и наш восурский, а нет там городов и деревень, потому и шлындрают там эти нагаки, да неллы... охо-хо, – закончил Святозар и протянул руку, чтобы взять ковш с водой стоящий на нижнем полку.

Храбр оглянулся, и, увидев перекошенное от боли лицо наследника, до протянутую к ковшу руку, встревоженным голосом поспрашал:

– Чего нога разболелась? Полить тебе, горяченькой водичкой?

– Угу, наставник, полей коли не тяжело, – застонав, попросил Святозар утирая лоб от выступившего на нем пота.

Храбр не мешкая выплеснул с ковша холодную воду на пол да набрал с таза горячеватой. Он торопливо поднялся на верхний полук, и, убрав с ноги лежащий дубовый веник, полил на нее водой, и кивнув, заметил:

– Да, Святозар, я с тобой согласен плохо у нас укреплены наши границы... Но отец твой, все же строит новые города, вот к примеру Дубов на реке Яза большая, да и Дубна на реке Волохе тоже молодой город, это все у нагакской границы, все недавно построенные города... Да и возле неллов не мало за последнее время построено городов и Светполь и Мечислав, и все это твой отец приказывал... Ну, ты у нас опытный правитель, ты продолжишь это строительство, и уверен я, Гориславу твоему будет спокойней править Восурией. – Храбр помолчал немного и вернув дубовый веник на ногу наследнику, понизив голос, спросил, – значит Святозар, тогда в твоей первой жизни... Ты нарушил повеление ДажьБога, чтобы спасти от ягыней народ гомозулей?

– Да, Храбр, – тихо ответил Святозар. – Чтобы спасти гомозулей... В той битве погибло весьма много восуров поэтому ДажьБог был так сердит... Когда я возродился Богомудром, я хотел попросить моего сказителя создать сказ про ту битву... Но гомозули уже не жили на своей земле, а я все время прокручивал слова ДажьБога, которые он мне сказал : « Упрямец, упрямец, ты, Святозар. Как ты посмел меня послушаться... Как посмел подвергнуть опасности моих детей восуров, весь мой народ, который я с такой любовью творил... Очень, очень я сердит на тебя». И я решил, что раз ДажьБог так сердит был на меня, раз гомозули уже тут и не живут так стоит ли ворошить, хотя героическое, но все же прошлое... И знаешь, Храбр, все же несмотря на то, что ДажьБог был так сердит, если бы мне вновь пришлось делать выбор, между жизнью моего народа и битвой с ягыней, я бы ни миг ни колебался... И сызнова позвал восур на защиту гомозуль, потому что если бы мы тогда бросили гмуров в беде, то пришло бы время и ягыни, пожравшие их царство, пришли бы к нашим землям и нам бы все равно, все равно пришлось бы с ними биться... Так уже было не раз в истории нашего народа, поверь мне.

Святозар закрыл глаза, и тяжело задышал, подавляя боль, да чуть слышно произнес:

– Ох! Не будем об этом говорить, Храбр. А то я как сниму чулок, и начну о чем неприятном говорить, так нога так начинает болеть, точно хочет отболеть за все-то время, что не болела. Поэтому давай поговорим о чем-нибудь более приятном... Расскажи мне лучше, что Велемудр сделал с темничниками гомозулей, коих мы в Валадар ему как дар доставили...

– Ну, восуры, – пояснил Храбр, развернувшись на нижнем полку так, чтобы хорошо было видно Святозара. – Восуры ушли по домам, потому как они из валадарской деревни, что недалеко лежит. А лонгилов воевода разместил пока в домах валадарцев, а как лед на Валу сойдет он их вверх по реке в город Дальград отправит, а там воевода Болеслав, уже поможет им до своих земель добраться. Ну, а Лыбедь будет ждать нашего возвращения из Восточного моря, и тады мы все вместе поедим в Славград, а его завезем в Новыград. Ну, а он за то время отъестся, да отдохнет тут у Велемудра.

– Ну, то и хорошо, – согласился наследник, и, убрав с больной ноги веник, полез вниз с полка. – Что вы Лыбедя будете сопровождать до Новыграда. Так мне будет спокойней, тогда он точно доберется до дома, до отца и матери. Ох, наставник. – Усаживаясь на нижнем полку, дополнил Святозар, – будь добр, налей-ка мне воды в таз, я буду мыться... А то нога так болит, не проходит никак... А, потом прикажи Велемудру, как старший дружины моего отца, накормить меня расстегаями, да пирогами, потому что когда я булькнусь в море, неизвестно какими блюдами меня будет кормить Владычица моря Волыня в своем большом царстве Алтынтов или как его величала Вед, Алтынское царство.

– Ты, же вроде, должен идти в царство Черномора, а не в царство Воыни, – поинтересовался Храбр и принялся наливать ковшом наследнику с боченка воды в широкий таз.

– Да, Храбр, ворота ведущие в проход к Пеклу находятся в царстве Черномора, – задумчиво ответил наследник, и, намочив в тазу мочалу и мыло принялся натирать ими тело. – Но прежде чем я пойду туда, мне надо побывать у Воыни жены Бога солнца Ра и попросить помощи без которой я не смогу выжить в Пекле и освободить мать. – Святозар намылил лицо мылом и нырнул в таз с водой, а когда вынырнул, отплевываясь, добавил, – что ж тогда ждем наступление четвертого цветеня.

После бани наследник отправился в гридницу, где гостеприимный воевода уже накрыл для Святозара стол, выставив на него как можно больше выпечки.

Наследник очень расстроился оттого, что не смог, прямо сейчас, отправится к Восточному морю. Но понимая, что в данный момент жизни от него ничего не зависит и нужно проявив терпение, и, дождавшись освобождения ото льда реки Валу, лишь тогда продолжить свой путь, успокоился. А пока он принялся ждать начала масляницы, уговаривая себя тем, что теперь одетая в волшебный чулок нога позволит ему хорошо погулять на празднике. А, значит, ему удастся и покататься на санях и с горок, и поучаствовать в кулачных боях, то есть сможет он погулять, так как давно уже не гулял.

Однаке в первый же день наступившей масляницы Храбр и Дубыня пришли в покои Святозара, и с самым серьезным видом сказали ему, что ни на какие гулянья в город они его не отпускают, оно как ему взрослому человеку и наследнику, вдали от дома, хорошо бы проявить степенность. От той неприятной новости Святозар опустил на ложе и расстроено молвил:

– Да, вы чего наставники. Столько-то лет я сидел около своего отца на всех праздниках не в силах вдоволь, из-за ноги насладиться молодостью, а теперь.

– Сынок, – очень мягко заметил Храбр, и протянув руку, погладил наследника по волосам. – Ты, сюда приехал совсем не за наслаждениями... Ты же пойми, мальчик, это не Славград, где тебе многое позволено... Это Валадар и тебе, как будущему правителю, надо показать сдержанность и спокойствие.

– Ох, Храбр, – возмущенно, ответил Святозар. – Причем тут сдержанность, да степенность... а то я не понимаю, что ты меня от себя на локоть боишься отпустить. Ты, как мой отец, бесконечно тревожишься за меня, но я, же пойду не один, а с Чаславом.

– Вот и я про тоже, – кивнув головой, принялся объяснять Дубыня. – Часлав он, что... Он парень холостой, ему можно пока дурить, а у тебя жена, дитё скоро будет. Тебе не хорошо вдали от жены и семьи гуляньям предаваться. Да, и я, точно, знаю, Стоян Чаславу запретил на гулянье идти, чтобы он значит, ты не смущал и не тревожил. Так, что Часлав будет со всеми в гриднице праздновать масляницу. Людей Велемудр позовет немного, чтобы они тебя не тревожили, лишь его дружинники с супругами, да вельможа Любонег с женой. И я, и Храбр, мы тады будем за тебя спокойны... да, ты, хоть перед дальней дорогой отдохнешь, да порадуешься.

– Дубыня, – наследник обиженно скривил губы. – Чему ж я порадуюсь, интересно мне спросить, еде, что ли... Наливку, все равно Храбр не даст пить. И чего я буду там делать, тады?

– Да-к, как чего, – улыбаясь, благодушно отозвался Храбр. – Будешь есть, да радоваться новым сказам, которые ты не слышал. У Велемудра здесь прекрасный сказитель, Садко его зовут. Ух! Сынок, слышал бы ты, какие он сказы сказывает! – восторженно закончил наставник.

– Храбр, ну, ты, точно издеваешься, – сердито проронил Святозар, и недовольным взглядом посмотрел на стоящих возле него наставников. – Да, какие сказы? да, я сам столько сказов знаю, что хоть сам садись, да сказывай.

– Ну, вот и хорошо, – похлопав по плечу Святозара, радостно молвил Дубыня. – Вот и расскажешь нам, про дивьих людей, а то Храбр сказывал, да так, что я и не понял, чего они там в горах живут, чего не уходят, вроде их ДажьБог распечатал.

Святозар сидел и продолжал переводить недовольный взгляд с Храбра на Дубыню, обдумывая, что может сослаться на хворь и улечься в ложе, а после когда наставники уйдут, упорхнуть через окно на гулянье. Но Храбр, внезапно повернул голову посмотрел на большое окно в покоях и кивнул Дубыни. И тогда наставники шагнули ближе к ложу, крепко взяли с двух сторон Святозара за предплечья, подняли на ноги, и все еще не выпуская его из своих сильных рук, повели в гридницу. Наследник муторно вздохнув, понял, что сопротивляться бесполезно.

Так как гридница Велемудра была небольшой, а желающих побыть в гостях на маслянице, где будет присутствовать сам наследник престола, оказалось много, столы пришлось сдвинуть и поставить в два ряда так, чтобы гости сидели друг напротив друга, оставив лишь небольшой промежуток для гуслиста Садко. В гриднице воеводы не было каминов, но зато было установлено несколько широких печей выходивших в комнату задними стенами, и кои были так жарко натоплены, что зашедший в гридницу наследник одетый, в предложенный ему Велемудром, голубой тегилый, длиннополый кафтан со стоячим воротом и короткими рукавами, уже и пожалел, что его натянул. Усаживаясь на укрытое укрывалом сиденье, нарочно принесенное для него, в середине стола, слева от воеводы, Святозар тяжело выдохнув, сказал, негромко обращаясь к наставнику:

– Фу... у... Храбр.. До чего жарко здесь, я угорю. Дозволь выйти и тегилый снять.

Дружинники воеводы и их жены, ожидающие наследника, только расселись на лавках и сиденьях, наставник оглядел их долгим взглядом и тихо ответил:

– Ну, потерпи немного Святозар. Люди только сели, неудобно же, в самом деле. Возьми застежки расстегни, коли жарко тебе.

Святозар недовольно хмыкнул, и, утирая пот со лба, принялся расстегивать застежки на тегилые. Храбр сидел слева от Святозара, следом за ним расселись Дубыня, Стоян, далее с насупленным лицом Часлав, Звенислав, и ужасно смущенный Лыбедь, впервые за столько лет, попавший на праздник, да еще и к самому воеводе за стол. Справа от Велемудра поместилась его молодая супруга, необычайно красивая дева со светло-пшеничными волосами и зелено-серыми глазами, на ней был надет нежно-розовый сарафан, а туго плетеная коса была красиво уложена в виде ракушки на голове. Жена воеводы Ладимира, увидев, что наследник смотрит на нее, низко ему поклонилась и отвернула зардевшееся лицо в сторону. Святозар улыбнулся, заметив смущение Ладимиры, и по-доброму залюбовался красотой восурской девы, словно прекрасный, нежный бутон распустившейся и наполняющей эту гридницу своей чудесной чистотой. И тут же вспомнил глаза своей Любавы, ее милый и родной для него запах, ее любимое лицо, волосы, пальцы рук, и тяжело вздохнув, принялся оглядывать дружину воеводы. У Велемудра дружина состояла в основном из взрослых, средних лет мужей, но были в ней также очень юные друзья, не женатые. Велемудр был назначен воеводой в Валадар три года назад, сменив здесь ушедшего на покой старого воеводу Станислава, и все дружинники средних лет это те кто когда-то служил у старого воеводы, а друзья Велемудра приехали со своим воеводой из города Ветлуга, что стоит на реке Огожеская.

Велемудр накрыл стол дюже богато, и, зная, что наследник любит выпечку, постарался на славу. Здесь были не только разнообразные пироги, пирожки и расстегаи, но и всевозможные блины: скороспелые и с припеком, красные и молочные, гречневые и манные, на столе также стояли в пол-аршина высотой восьми и шестиугольные, необычайно красивые пироги, такие которые Святозар никогда доселе не видывал и не ел. Стол ломился от мясных и рыбных блюд, разнообразных солений и конечно необходимого украшения стола крашенных в луковой шелухе яиц, как символа Золотого Яйца, что в начале времен явил Всевышний и в котором был заключен сам Род. В глиняных широкопузых кувшинах находилась наливка из: брусники, черемухи, рябины, клюквы, морошки, малины, а в высоких, стеклянных сосудах разнообразные холодные напитки. Велемудр взял один из кувшинов и принялся наливать Святозару в невысокий медный кубок рябиновую наливку.

– Велемудр, – обратился наследник к воеводе. – Что это за высокие пироги с такими разноцветными боками.

– А, да это бабы, – улыбаясь, пояснил Велемудр, и придвинул к рукам наследника кубок.

– Бабы, – удивленно протянул Святозар.

– Ага, наследник, бабы. Ох! И, вкусные они, наследник, – сказал воевода и осторожно плоской, удлинённой ложкой, взял с блюда кусок пористой бабы и положил на блюдо Святозару. – Это баба тюлевая, очень хорошо ее с чаем, да со сбитнем горячим. Но если ты положишь вареную телятину с раками, будет тоже вкусно, а еще хороша она с жареным гусем. Ну, давай, наследник, принимайся за еду, а я тебе погодя положу бабу сбивную, пуховую, медовую, али маковую. А, то ты, за поход, свой, так исхудал, что на тебя без слез-то и не взглянешь, тяперича.

Святозар решил послушать Велемудра, наложил себе в блюдо телятину с раками, и, сделав небольшой глоток наливки, которая на вкус оказалась сладковатой и нежно пахла осенними плодами, принялся есть. Воевода был прав, баба была вельми вкусная и нежная, и не успел наследник ее доесть, как Велемудр положил ему на блюдо другой кусок бабы и негромко сказал: «А, это, пуховая».

– Святозар, – обратился к нему Храбр, увидев, что наследник взял в руку кубок с наливкой. – Ты тока не пей этой наливки много, а то она дюже крепкая.

Святозар не успев донести кубок до губ, усмехнулся, да так и не отпив из него, поставил на стол, неторопливо он повернул голову, посмотрел в серые глаза наставника, и тихо заметил:

– Храбр, ну право дело, я тебе удивляюсь... Тебе надо с гомозулями жить, потому что они кроме чистой воды ничего не пьют... Ни хмельного, ни напитоков, ни сбитней, ни молока... Ты, наверно, тока за их столом и чувствовал себя спокойно, да не тревожился за меня, – наследник засмеялся, и, увидев покрывающееся пятнами лицо Храбра, похлопал его по плечу. – Вот ты, мне скажи, наставник, ты вообще видел когда-нибудь, что бы я пил? Пил до такой степени, что не мог себя в руках держать, не мог собой руководить? Ты, что думаешь, я не знаю, что если человек выпив, не удержит свой образ достойным, и скажет безумное, или безумно будет вести себя так это все от Чернобога? Я, это знаю, не тревожся, и пить не буду, потому что никогда не пил, а лишь пригублял... Я всегда был восур, а восуру не должно служить Чернобогу.

– Да, сынок, – кивнув головой, согласился Храбр, и очень мягко протянул, – прости меня, это я так просто... Просто, душа моя за тебя болит, и беспокоиться, все время. Как я подумаю, куды же ты, мальчик мой пойдешь... что там перенесешь, и вернешься ли обратно, эх...

– Ну, чего ты, такое говоришь Храбр, – сердито пихнув друга в бок, откликнулся, до этого молчавший Дубыня. – Как это так вернешься ли обратно... Конечно вернется, я вот ни на миг не сомневаюсь в Святозаре, разве он нам всем не доказал, кто он есть, да какая в нем сила. Ты же слышал, что старец Берий, про него сказывал. Что таких как он, Боги избирают, и направляют их поступь к новым свершениям и к великим поступкам. А значит, ДажьБог не позволит своему сыну погибнуть, и поможет ему вернуться, поможет пройти этот тяжелый путь... И знаешь, что Храбр, прекращай каждое мгновение следить за Святозаром, оставь его в покое, пушай он выпьет, да поест вдоволь, скока его душенька пожелает, а сам вон, поворачивай голову свою, да гляди на своего Садко, который пришел сказы сказывать.

И точно, на середину гридницы, как раз промеж двух рядов, вышел высокий худой мужчина средних лет, с волнистыми белокурыми волосами, с густой волнистой бородой и темно-серыми глазами. Садко низко поклонился Святозару, его друзьям и воеводе, и сев на поставленное для него сиденье, как раз напротив наследника, стал перебирать струны на гуслиях. Чтобы Святозару было хорошо видно гуслиста, напротив него, воеводы и Храбра, с той стороны стола никого не посадили, посему явственно виделось красивое с высоким лбом, лицо Садко, его тонкие, длинные, точно прозрачные пальцы, нежно перебирающие струны. Садко не начинал сказа, ожидая кого-то, и через мгновение Святозар понял, кого дожидался гуслист. Дверь гридницы открылась и впустила в зал юного отрока, годков десяти не больше, держащего в руках

небольшую дудочку из ивовой коры, называемую жалейкой. Мальчик весьма походил на Садко имея такие же волнистые белокурые волосы и темно-серые глаза. Поравнявшись с отцом, отрок встал справа от него и взяв в губы жалейку, заиграл на ней и тотчас по гриднице разлилась прекрасная восурская мелодия, словно жалостливо заплакал кто-то, а Садко высоким, полным необыкновенной силы голосом, запел сказанья, про солнечного Бога Хорса и его жену Зарю-Зареницу: «Рано-ранехонько утром, вывел во сини луга великий Бог Хорс свою золотую колесницу и освещая, да согревая прекрасную Богиню Мать Сыру Землю стал править ею по небесному своду. Вел свою колесницу Бог Хорс с востока на запад, с восхода на закат и оглядывал землю внимательным взглядом. Да, увидел он около острова Буян во Восточном море купающуюся деву Зарю-Зареницу, а у той девы кудри пшеничные, рассыпающиеся серебром по ее плечам, глаза синие, как морская гладь, лицо белое, как снежное укрывало. Увидел Хорс, Зарю-Зареницу и дрогнуло его могучее сердце, и полюбил он чистую и светлую деву, и решил на ней жениться. Устроили Боги в Небесной Сварге свадьбу и много дней подряд пировали и славили молодых. А люди, живущие на земле, много дней подряд, видели в небе необыкновенное сияние красного и зеленого света, бесшумно возникали на небесном своде переливчатые полосы и лучи, беззвучно меняли цвета и медленно колеблясь угасали!»

Святозар прослушал сказанье весьма внимательно, насладившись красотой его слова и безупречным исполнением, а искусная игра Садко и его сына на гусях и жалейке была не просто прекрасна, она была завораживающе неповторима. Когда гусли и жалейка смолкли, гридница до этого хранившая тишину наполнилась гулом голосов, да звяканьем посуды, а Храбр положив руку на плечо наследника, довольно выдохнув, сказал:

– Ну, что, верно, красивый сказ, и как он его спел, а сынок его, до чего чудно на жалейке играет, душа так и надрывается слыша его... Раньше Садко один сказывал, без сынка, а теперь еще красивши стало, кады он так на жалейке подпевает.

– Храбр, а ты в Валадаре, когда бывал-то? – спросил Святозар, и так как воевода положил ему на блюдо еще бабу, сбивную, принялся, неторопливо ее есть.

– Да-к, сынок, еще при прежнем воеводе Станиславе, – пояснил Храбр и погладил наследника по руке. – Я, здесь с Богданом и Ярмиром, тебя разыскивал, как раз за полгода до того, как Белян и Венценег, под Святоградом нашли тебя, мальчик мой.

– А, так ты меня тут разыскивал, – молвил наследник, и тяжело вздохнул. – Эх, Храбр, до чего мне хочется увидеть Любаву... Хоть одним глазочком поглядеть на нее, прикоснуться к ее волосам... эх! Как они там отец, братья, сестрички, тетя и дядя...

– Да, как, – вмешался в разговор Дубыня, увидев, что Святозар повесил голову, и загрустил. – Наверно так же, как и мы сидят за столом в гриднице, едят, медовуху сладкую попивают, да вспоминают тебя, мальчик наш дорогой... Но, ты, сынок, не грусти, может это будет последнее испытание в твоей жизни... Дойдешь ты его до конца, а потом будешь жить спокойно и радоваться, глядячи на жену свою красавицу, да на деток своих драгоценных.

Святозар ничего не ответил Дубыни, оно как знал, что этот путь его очень труден, а если заглянуть в те жизни, что жил он до этого, то и не увидишь, ты, там спокойной жизни. Радостной и счастливой, да! но только не спокойной. Святозар помнил многих людей из своих прошлых жизней, и тех которые жили рядом с ним, и тех которые лишь задевали его своим движением, и никогда, ни у кого он не видел тихой, спокойной жизни. Жизнь, казалось наследнику, словно высокие горы, с каменистыми склонами, усыпанные здоровущими камнями и валунами, с огромными уходящими вглубь пропастями и расщелинами. Жизнь-это холодные, злые ветры, жгучие капли дождя, но среди этих трудностей и невзгод, так часто виденное яркое, голубое небо, теплое, живительное солнце, чудесные запахи земли и необычайно красивые, нежные, бархатно-пушистые цветы, прячущиеся под камнями на склонах гор. Жизнь прекрасна именно тем, что она дана. Она прекрасна новым познанием этого мира, избранной новой дорогой, встречей с новыми людьми и вечным познанием собственной души!

Наследник доел бабу, поставил локоть на стол, оперся подбородком о ладонь, и, устремил взгляд на Садко, каковой сидел напротив и перебирал струны, вызывая из гуслей чудные звуки. Садко поймал взгляд Святозара, улыбнулся ему, и, кивнув головой, точно старому знакомцу, вновь запел сказанье, а его маленький сын стал выводить на жалейке такие трели, что перед глазами наследника внезапно поплыл густой туман наполнивший душу и разум яркими воспоминаниями. И показалось, Святозару, что сидит он вовсе и не в GRIDнице воеводы Велемудра, в славном восурском городе Валадаре, а сидит в огромном пиршественном зале правителя Аилоунена в великолепном городе Хейвясёрви. Правителя, который вел за собой три великих братских народа руахов, приолов и гавров, и где вот также юный отрок, младший сын Аилоунена, Мотакиус, играл на волшебной дудочке, а хозяева и гости, замороженные чудесными звуками, затихнув и замерев, наслаждались дивной мелодией долгие, долгие часы.

– Вот так, – освобождаясь от воспоминаний, негромко сказал Святозар, и, убрав руку со стола, повернув голову, взглянул с нескрываемой болью, на наставника. – Нет, нет, Храбр, уже этого народа Бога Семаргла, нет ни руахов, ни приолов, ни гавров. И ведь нет уже давно... Вот, что бывает с людьми, которые забывают своего отца, своих Богов... Эх, Храбр, знал бы, ты, какие величественные города, великолепные дворцы строили народы правителя Аилоунена. Высокие каменные дома, мосты и дороги... да как у них было все разумно придумано, опускающиеся ворота и двери, чудные парки и сады кругом, рукотворные реки и озера. Они владели необычайными знаниями не только в строительстве, но и в лечении людей, в наблюдении за землей и небесными светилами. Однако и они, и их знания канули в никуда... А ведь и Валадар, и Кальковск, и Приславль все эти земли, окружающие ныне восурские города принадлежали когда-то этим народам... Когда я жил свою вторую жизнь, руахов, приолов и гавров, уже не было... Еще кое-где стояли их полуразрушенные, племенами рутарийскими и кожезерами, города, дороги и мосты. Но Сатэга и другие чарколы покуда бились между собой окончательно уничтожили былые красоты этих городов, будто они им мешали... Я спрашивал Велемудра, остались ли вокруг Валадара какие-то постройки древних, может дороги, али развалины городов, а он посмотрел на меня удивленно, и, пожав плечами, ответил, что никогда ни о чем таком не слыхивал... А ведь город Хейвясёрви стоял именно на реки Валу, правда она тогда называлась по другому... Микайоки... кажется. – Наследник прервался и надсадно вздохнув, принялся наливать себе в чашу из стеклянного сосуда напиток из морошки и клюквы. – На землях народов Бога Семаргла жили племена рутарийские, кожезеры и неллы, рядом соседничали солуанцы и поллы, а руахов, гавров и приолов уже не было, а так жаль, жаль, что исчез такой умный и красивый народ... Я хорошо помню Аилоунена, это был великий кудесник и воин, такой мудрый и пожилой человек. Он, да, правитель дамианцев Ана-Дазфаль, все меня опекали, ведь я был мальчишка тогда... да и не только меня... всех нас восуров... Их, наверно, и погубило тогда в битве с дивными людьми так много, потому что они были все взрослые воины, а мы дети. И все они за нас тревожились, да, от кулаков и магии дивьего войска собой прикрывали... Ведь в воинстве ДажьБога, не я один такой горячий был, смерти не боялся... Эх, Храбр, иногда так тяжело все знать, все помнить, где они дамианцы, руахи... Зачем погнались, чего хотели... забыли Богов, забыли веру, предали душу и погибли, исчезли... И кроме меня, горемычного никто о них уже и не помнит, охо-хо...

– Солуанцы, кожезеры, поллы, – задумчиво произнес, названия народов, Храбр. – Это племена которые шли против Ставра Великого, да?

Наследник поднял чашу с напитком, и, отпив оттуда, передернул плечами и тихо ответил:

– Это уже были не солуанцы, кожезеры и поллы, поверь мне, Храбр... Это были, – и Святозар набрал полную грудь воздуха и громко выдохнув, добавил, – это были уже не люди, а чудовища... Я до сих пор содрогаюсь, стоит мне лишь вспомнить во, что безумие одного может превратить целые народы.

– Сынок. – Храбр потрепал поникшего наследника по волосам, и мягко заметил, – ну, чего ты загрустил, в самом деле... Будет тебе вспоминать былое, душу свою теребить... Давай лучше Садко послушаем, он новый сказ сказывать начинает.

Наследник кивнул головой, и одним махом допив напиток, поставил пустую чашу на стол и устремил взгляд на гуслиста, оный и верно начал сказывать новый сказ : «Был у солнечного Бога Хорса и Зари-Зареницы, сын Денница. У Денницы пшеничные кудри, рассыпающиеся серебром, пробивающиеся над губой золотые усы, ясные синие очи, да, нет ни на небе, ни на земле краше, да чудесней того юноши. Обернется соколом Денница, да летит во высокое голубое небо, да оглядывает с тех высот далекую, прекрасную землю. Но вздумалось Деннице стать подобным отцу, великому Богу Хорсу. Прилетел он к отцу, встал перед ним на одно колено и попросил Хорса позволить ему, проехать на солнечной колеснице, по дороге солнцепутья. Загрустил Бог, услышав неразумную просьбу сына, и принялся его отговаривать. Да не слышал Денница слов отца своего, не внимал его уговорам, лишь просил и просил о своем. И выполнил Хорс желание сына, позволив проехать на солнечной колеснице по дороге солнцепутья. Вскочил Денница в золотую колесницу, сверкающую разноцветными камнями, схватил вожжи и поехал по небесам. Впереди по звездному небу, по дороге солнцепутья скачут крылатые кони Бога Хорса, пламя пышет из их ноздрей, огонь вырывается из их пасти, несут они не привычно легкую колесницу, не слушают неумелого возницу. И скачут кони уже не по-обычному солнцепутью, а несутся без дороги, жгут они небо и землю, горят леса и травы, кипят реки и моря, гибнут богатые города и великие народы, трескаются и разламываются горы. Вопиют и кричат люди, прося помощи у Богов, прося помощи у Богини Мать Сыра Земля. И тогда подняла голову Мать Земля, и громко крикнула Богу Сварогу: „О, Сварог, отец Богов, что же ты медлишь? Погляди, гибнут твои создания, мои дети и внуки, гибнет и горит все живое на земле и воде, погибаю и я сама!“ И тогда сын Сварога, Бог Перун натянул тетиву своего лука и выпустил сверкающую молнию в колесницу, и ее полыханием затушил огонь колесницы, а Денница, словно, яркая звезда упал в море. Тело Денницы погибло, а душа его по велению Сварога обратилась в звезду, которая теперь горит на небосводе ранним утром, и готовит нас к новому дню».

– Ишь, ты, как заплел, – довольным голосом, проронил Дубыня, когда Садко закончил свой сказ. – День, значит, начинается от звезды Денницы, красиво, верно, Святозар.

– Уж, это точно, красиво, и главное, все так и было на самом деле, – негромко ответил Святозар. – Мне об этом рассказывала... рассказывала. – Наследник замолчал, вспоминая высокое бледно-синее с гаснущими звездами небо, могучие темно-зеленые дубы, небесно-голубые глаза Бури Яги Усоньши Виевны, ее божественные уста наполненные чистотой и сиянием, и улыбнулся. – Рассказывала старая знакомая... Она говорила, что земля тогда так горела, моря и реки кипели, дым был такой густой, что люди умирали не в силах вздохнуть... А когда Перун сбил Денницу и потушил колесницу, Бог Хорс десять дней не выходил на небосвод, скорбя по своему сыну, а земля еще долго потом горела в полной темноте... И, лишь, Месяц продолжал светить в свое время, и потому уцелевшие на земле люди могли только и понять, что наступила следующая ночь... Когда Заря-Зареница похоронила тело своего сына, то долго плакала над его могилой, вместе со своей дочерью, сестрой Денницы, Радуницей. Бог Перун прилетел к могиле сына Хорса и создал над ней два дерева: ольху и осину, чтобы они склонялись перед сыном солнца и оплакивали его необдуманное желание, стать подобным, равным Богу.

– Интересно, – разворачиваясь к наследнику, и любопытным взглядом, оглядывая его, спросил Храбр. – Это кто ж у тебя была, старая знакомая, которая такое могла наблюдать и поведать тебе? Ведь кажись, все эти события были еще до потопа.

Святозар глянул, на удивленно, уставившихся на него наставников и беззаботно засмеявшись, пояснил:

– Задолго до потопа... Это было так давно, что люди и не знают когда, а Боги уже, верно, и позабыли... так она говорила.

Глава четвертая

Садко спел и в этот, и в последующие дни еще много сказов: про Богов, про жизнь простых восуров, про битвы, которые они вели, отстаивая свою землю и веру, и каждый такой сказ сопровождал его сын прекрасной наполненной чистотой, любовью и светом игрой на жалейке. Многие сказы Святозар уже слышал, некоторые слышал впервые, но были и такие, как про сына Бога Хорса, Денницу, которые он дополнял, или поправлял. Масляница на удивление для наследника в пирах и сказаньях прошла быстро, и также быстро на восток Восурии пришла весна.

Не успели закончиться праздники, как Святозар стал собираться в путь. Велемудр первый же день после масляницы в сопровождении Храбра и Дубыни уехал на пристань, распрягаться и готовить в плавание ладью и людей. А наследник принялся созидать водырь, такой какой когда-то подарил ему царь Альм во время путешествия в страну Беловодья, и который он оставил, как дар своему тестю Путяту. Долгое время Святозару не удавалось создать то, что он хотел, потому что водырь должен был показать ему царство, которое находится не на земле, а внутри Восточного моря. Пять дней, наследник бился над созданием водыря, иногда вскакивая с ложа даже глубокой ночью, но всякий раз водырь получался не такой как надо. Водырь точно указывал, теряющему терпение Святозару, дом воеводы в Валадаре, направление в сторону Славграда или в Арапайские горы, но, совершенно, не показывая направление Алтынского царства Волыни.

В один из дней наследник, вместе со Стояном, Чаславом и Звениславом, приехал на пристань, где вдоль ее края в ряд теснились ладьи: военные, торговые и промысловые. День был повесенному теплым, на голубом небе ярко горело желто-оранжевое светило, наполняя Валадар теплыми, солнечными лучами, легкий ветерок едва гладил волосы, а в воздухе нежно пахло речной водой, освобожденной от тяжелого льда. Святозар и други спешили с коней, и, дойдя до ладьи, на которой собирались отправиться в путь, остановились. Наследник достал из сумы водырь, положил его на правую ладонь, и принялся шептать над ним, но водырь, как не старался Святозар, никак не хотел показывать ему царство Волыни. Наследник так разгневался на недвижимую стрелку, что размахнувшись, запустил в каменную мостовую водырем, а тот словно созданный из стекла и ярко горящий лазурью, внезапно от удара лопнул, разлетелся на множество лазурных капелек, которые упали на пристань и осветили ее нежным, голубоватым светом. Пристань была наполнена людьми, и когда воины увидели кусок светящейся каменной мостовой, то принялись прикасаться к голубоватой дымке света, исходящей от нее. И стоило людям, дотронуться до той дымки, как свет начал разрастаться, переходя на руки, вещи воинов, покрывая их полностью голубоватым сиянием.

– Ох..., – вымолвил Святозар, когда увидел как несколько воинов, засветились голубым светом.– Ох! Только не это!

Он подбежал к воинам, и, протянув к ним навстречу руки, начал шептать заговор, стараясь снять сияние. Однако, голубой свет, покрывающий людей и пристань, внезапно ярко вспыхнул и изменил свет, превратившись в лазурный. Святозар в ужасе отступил назад, но глубоко вздохнув вновь зашептал заговор. Не успел он его дошептать до конца, как свет опять ярко вспыхнул и превратился в зеленый. Воины, покрытые сиянием, неподвижно стояли на месте, повесив руки вдоль тела, и испуганно глядели на меняющиеся на себе цвета света. Святозар наново вздохнул и зашептал новый заговор, но сияние не пропадало, а с каждым последующим заговором лишь изменяло цвет, становясь попеременно, то голубым, то лазурным, то зеленым.

– Да, как же, как же это..., – запаниковал наследник и ударил себя по лбу ладонью.

Святозар чувствовал, что еще чуть- чуть и страх за людей, попавших в беду, полностью овладеет его душой, и порывисто выдохнув несколько раз, зашептал новый заговор. Однако

теперь ярко вспыхнувший голубой свет сменился на золотой, который стал быстро разрастаться, покрывая тем сиянием, не только завопивших от ужаса, толпившихся на пристани, людей, но и саму пристань, и Святозара, и ладью. Через мгновение, в котором наследник слышал лишь крики убегающих, не залитых сиянием, людей с пристани, вся ладья от носа до кормы была покрыта золотым светом. Святозар схватился руками за голову, не зная, что сделать, чтобы остановить расплывающийся по пристани свет, который теперь перекинулся на соседние ладьи, но увидев перед собой глаза воинов, наполненные ужасом, взял себя в руки. Он закрыл глаза, и чтобы успокоить дыхание прислушался к себе, бах-бах-бах, испуганно стучит сердце внутри него, ох-ох-ох стонет душа. «Тише, тише, тише...», – шепчет сам себе Святозар. И вот уже душа не стонет, а сердце стучит спокойно и равномерно. Еще морг, Святозар стоял неподвижно, прислушиваясь к себе, а после зашептал: «О, солнечный Бог Хорс, повелевающий золотой колесницей, что вывозит Солнце на небесный свод! Ты, согревающий нас в стужу! Ты, защищающий нас от тьмы! Светом небесной твоей силы собери весь рассыпавшийся свет, созданный мной, в одно единое целое, и наполни, это создание, мудростью, как наполняется весь мир жизнью! Именем твоим солнечный Бог Хорс свершись!» Святозар дошептал заговор и вытянул правую руку вверх, выставив ладонь к солнечным лучам. И в то же мгновение золотой свет, наполнивший и часть пристани, и три ладьи, и воинов-ладейников, все также не двигающихся с места, начал покидать захваченные позиции. И мало-помалу освобождать занятые ладьи, пристань и людей, со стороны казалось, что на берег выплеснулась огромная золотая волна, которая затем резко отхлынула назад. Прошел какой-то миг, и золотой свет остался лишь около ног Святозара, да наполнял его снаружи и изнутри, но погода сияние и вовсе покинуло пристань, переместившись на тело наследника, да начало плавно подниматься вверх к выставленной ладони. Яркий золотой свет вытек на ладонь Святозара, и обратился в огромный пылающий шар.

Святозар открыл глаза, поднял голову и увидев золотисто-желтый шар на ладони, опустил руку, и в тот же миг порыв ветра, донес до него еле слышимые слова : «Алконост, мальчик мой, Алконост тебя поведет. Опустит свет на Алконост».

Наследник развернулся, и, выставив руку, с пылающим шаром, вперед, побежал к ладье, а поднявшись по сходням, поспешил к ее носу. Ладья, на которой отправлялись в путь, была очень похожа на ту, на которой плавали в Беловодье. Такая же дубовая обшивка, плоское днище и вертикальные борта корпуса. По восемь весел в каждом борту защищенные каплевидными щитами. В середине ладьи был установлен большой прямоугольный парус, а рядом с ним поставлены лавки для гребцов и навес, от солнца и дождя. В кормовой части помещалось рулевое весло и квадратная надстройка во внутренние помещения, называемые омшаник. Вот только нос этой ладьи венчала не медвежья голова, а часть туловища с головой знаменитой светлой птицы Алконост, являющейся по поверьям воплощением Бога Хорса, и повелевающей ветрами да погодой. Эта птица от головы до пояса имела образ человеческий, а от пояса же была птицей, с двумя большими крыльями. Лицо у птицы Алконост было искусно вырезано, и окрашено в нежно-розовый цвет. На нем находились два крупных зеленых глаза, небольшой нос, алые тонко очерченные, сомкнутые губы, а голову покрывали удлиненные до плеч желтые кудри, сверху на которые был надет, также мастерски вырезанный, венец правителя. Громадные темно-бурые крылья, не до конца сомкнутые, прилегали, по бокам, к туловищу человека-птицы.

Святозар подошел к Алконост и положил ей на голову золотой шар света. И как только свет коснулся головы, и венца птицы, то золотисто-желтый пылающий шар распался на множество мельчайших крупинок, и словно стек по телу птицы к носу ладьи, окутав ее всю золотым сиянием. Внезапно, в небе дотоль безоблачном и голубом, послышался тонкий, нарастающий свист, похожий на удар плетью, и откуда-то сверху с небесной вышины прилетел тонкий, в палец толщиной, длинный оранжево-красный луч. Он ударил Алконост прямо в деревянный,

окрашенный лоб и вроде вошел в него, и тотчас послышался звонкий, свистящий голос Бога, громко сказавший: «Оживи и повинуйся Святозару». Наследник, услышав голос Бога, отпрянул назад, и, подняв голову, устремил взгляд в голубое небо. Он сразу понял, что это был не голос ДажьБога или Перуна, каковых ему довелось слышать, а голос какого-то другого Бога.

Прошло лишь мгновение, и послышалось тихое шипение и потрескивание, точно разгорающийся огонь принялся поедать дерево, и Алконост, до этого покрытая золотой дымкой, ярко вспламенилась оранжево-красным огнем. Пламя было такое высокое и жаркое, что наследник прикрыл рукой глаза и отступил назад. Но морг, в оном птица, как казалось Святозару должна была сгореть прошел и пламя, светозарно вспыхнувшее, тут же потухло. И, как только погас огонь, птица, покрытая черным нагаром, ожила. Алконост замотала головой, стряхивая с себя толстый слой сажи, затем всколыхнула плечами и золотые кудри упали с головы на плечи, а ярко-вспыхнувший венец заиграл всеми цветами радуги. Птица распрямилась, покрытое огромными перьями бурого цвета, одно крыло, потом другое и взмахнула ими, так сильно, что ладья заходила ходуном и закачалась на водной глади. А когда весь нагар с тела и крыльев окончательно осыпался оголив прекрасный стан девы с нежно-розовой кожей и пышной грудью, птица открыла рот и громким, высоким голосом, сказала:

– Именем Бога Огня Семаргла, повелением солнечного Бога Хорса, повинуюсь тебе, сын ДажьБога, Святозар. Плыви на своей ладье по реке Валу туда к Восточному морю, Святозар. Там же я поведу ладью к самому Алтынскому царству морской владычицы Вольни, супруги Бога Ра! – и Алконост как-то протяжно ухнула.

Святозар услышав речь волшебной птицы Алконост, стоя позади нее, низко ей поклонился, и, утерев струящийся со лба пот, развернулся. Да немедля нос к носу столкнулся с разгневанным Стояном, который схватив его за плечи, так крепко потряхнул, что у наследника закружилась голова.

– Ты, совсем, совсем, – раздраженно сказал Стоян. – Разучился сдерживать свой гнев, совсем распустился. Более, никогда, я не пойду с тобой на пристань. Ты будешь ходить сюда, лишь в сопровождении Храбра, только он на тебя благодатно влияет. И лишь в его присутствии ты можешь себя сдерживать.

– Прости, Стоян, – тихим голосом ответил наследник, понимая, что друг прав. – Столько дней я безуспешно бился над водойрем... просто не сдержался.

– А, если бы тебе не удалось снять сияние с людей, чтобы было бы, – убрав руки с плеч Святозара, заметил Стоян. – Я же видел, как ты запаниковал, когда воины стали мерцать... Твой гнев, мог стоить им жизни... а тебе человеку, который пойдет... пойдет выручать мать, разве можно позволять гневу брать над собой вверх... Тем более, что Боги так тебе помогают, так тебя опекают.

Стоян сердито насупил брови, и, развернувшись, быстрым шагом пошел к сходням, чтобы спуститься с ладьи, а Святозар оглянулся, посмотрел на ожившую Алконост, шевелящую крыльями, и вертящую головой и вспомнил ее слова: «Именем Бога Огня Семаргла, повелением солнечного Бога Хорса...» и подумал, что друг как всегда прав, не только ДажьБог, но похоже и сами Боги Семаргл, и Хорс пришли ему на помощь, а он так непростительно гневается. И он также поспешил спуститься с ладьи вслед за другом, чтобы поговорить с ним. Но не успел он сойти по сходням на пристань, совершенно опустевшую, на каковой одиноко стояли лишь Стоян, Часлав и Звенислав, как услышал громкие голоса друзей, выясняющих между собой отношения. Потому как Чаславу и Звениславу не понравилось, что Стоян потряхнул Святозара и грубо с ним разговаривал.

– Какое ты имеешь право, так с ним говорить, – кричал на Стояна Звенислав.

– И чего ты его так тряс, – поддержал друга Часлав. – У него у бедняги, чуть голова не оторвалась, чего силы у тебя, Стоян много, не знаешь куды ее применить... Или ты, чё

думаешь, будешь так мотылять наследника, а мы со Звениславом будем молчать... Одно дело мы, мы тебя как старшего обязаны слушать, а другое дело наш Святозар.

– Цыц, я вам сказал, – очень грубо и обидчиво, выкрикнул в ответ Стоян. – Он идет туда, где ему нельзя гневаться, где нельзя в душу пускать зло...

– Вот и мы про это, – не менее громко дохнул Звенислав. – Он идет в Пекло, и может мы, дурень ты такой, видим его в последний раз, а ты его мотыляешь... Он не только твой друг, но и наш...

– Кого, ты дурнем, назвал? – покраснев, гневно спросил Стоян.

– Тебя, тебя, я дурнем, назвал, – расхрабрившись, молвил Звенислав и шагнул вплотную к Стояну.

– Стоян, Звенислав, прекратить, – испуганно проронил наследник и быстро сбежал по сходням.

Святозар увидел разгоревшиеся гневом лица друзей, и как навис над Звениславом Стоян, а тот схватился за рукоять меча и стремительно подбежав к ним, встал между, взволнованно сказав:

– Прошу вас, други, не ссорьтесь... Стоян прав, я не должен гневаться, не должен был так поступать, потому как магия не прощает такие вещи и все могло закончиться плачевно, мне помогли Боги. – Наследник положил руки на плечи друзей и тихо добавил, – прошу вас, не ссорьтесь, я и так расстроен.

– Никто и не ссориться, – буркнул Стоян и стряхнул с плеча руку наследника. – Но я хочу сказать тебе, Святозар, что я всегда за тебя заступался, всегда поддерживал, но то, что ты сегодня сотворил, это...

Но Стояну не удалось договорить, потому что на пустую пристань прибыли Велемудр и Храбр. Они подъехали к ладье на взмыленных лошадях, и, бросив поводья, спешили, возле раскрасневшихся и разгоряченных друзей.

– Что случилось? – встревожено спросил Велемудр. – К нам прискакал воин и сказал, что пристань и ладья горят.

– Ну, где, вы видите, что горят, – раздраженно ответил за всех Часлав. – Чего горит, кто горит...

Велемудр кинул беспокойный взгляд на столпившихся друзей, между которыми стоял наследник, словно разнимая их драку и побежал по сходням на ладью.

– Замолчи, Часлав, – тяжело задышав и кинув сердитые взгляд на Стояна, Святозара и Звенислава, сказал Храбр, рукой отстраняя наследника от друзей. – Стоян объясни, что тут случилось?

– Знаешь, Храбр, я тебя очень уважаю, – все еще гневливо зыряка на Звенислава произнес Стоян. – Но вот, кто все это натворил, да вел здесь себя не как муж, а как дитя, вот тот пусть и объясняет.

Стоян развернулся, и очень быстро пошел по пристани в сторону выхода, туда, где они оставили своих лошадей.

– Стоян, – крикнул ему вслед Святозар, порываясь догнать друга. – Ну, в самом деле, чего ты обиделся.

Однако наследник не успел сделать и пару шагов, как наставник с такой силой ухватил его за плечо, останавливая движение, что тот криво поморщился от боли. Храбр спешно притянул его к себе, и немного наклонив голову, раздраженным голосом спросил:

– Святозар, что ты тут опять учудил? Людей всех до смерти перепугал. Мы не успели к пристани подъехать, видим люди бегут, руками машут, кричат, что наследник разгневан и сжигает людей, пристань и ладья...

Наследник опустил голову, и молчал, не в силах за себя заступиться, и, гневаясь на свой не сдержанный поступок, но Звенислав поспешил на выручку к нему, и, шагнув ближе, громким, звенящим от негодования, голосом быстро, быстро затараторил:

– Да, что, ты, Храбр, кого сжечь... Святозар случайно разбил водырь, из рук он у него выскочил, выскочил, бабах на мостовую и разбился, свет от него во все стороны брызнул, на пристань, на людей, на ладью. Но наследник не растерялся свет собрал и на Алконост вылил, а тут свист такой с неба и Бог говорит: «Оживи и повинуйся, Святозару», да и голос сам такой был свистящий, да звонкий, интересно, кто говорил? А затем Алконост вспыхнула и ожила.

– Чего вылил, кто говорил, какой Бог, – не понял Храбр, перенасыщенную событиями речь Звенислава. – И зачем водырь разбил, и кто позволил Алконост оживить?

– От, ты, Храбр, – принялся вновь пояснять Звенислав. – Водырь случайно разбил, а Алконост Боги оживили, чего не понятно... – Звенислав глянул на сердито поглядывающего на наследника Храбра и добавил, – да, и вообще, хватит тут шуметь и ухать, Храбр. Уже давно тебя никто не боится. Чего не видишь, что ли как расстроен Святозар, мало у него в жизни волнений, так еще один тут трясет его, да обижается, другой дышит тяжело. Видишь же кругом все просто великолепно. Солнце светит, лед с реки сошел, Боги с небес говорят, Алконост ожила, заговорила по восурски, где бы я еще такие чудеса увидел... Пойдем Святозар, тебе надо отдохнуть, а то столько волнений у тебя было...

– Слушай, Звенислав, – повышая голос, словно и не сказал, а прорычал Храбр. – Когда я разговариваю с наследником... – И наставник, отпустив плечо Святозара, схватил Звенислава за руку и так крепко сжал, что последний громко вскрикнул. – Так вот, когда я разговариваю с наследником, всякие там олухи, стоят и молчат... понял?

– Да, да, понял, – закивав, поспешил пролепетать Звенислав.

– Вот, то тоже, – добавил Храбр, и, отпустив Звенислава, заботливым взглядом оглядел наследника, который стоял, низко склонив голову, и тяжело вздыхал. – Святозар, сынок, – дюже мягко обратился он к наследнику, – бери коня воеводы и поехали домой, а вельми разумный Звенислав... – Недовольно глянув на того, заметил наставник, – и Часлав дождутся Велемудра да приедут следом.

Святозар все еще не отвечая, взял поводья из рук Часлава, вскочил на коня и поехал следом за Храбром. Они выехали с опустевшей пристани, и, проехав по улицам Валадара, вдоль домов, лавок и мастерских дотрухали до дома воеводы. Наследник, молча спешил, передал поводья подошедшему слуге и пошел в дом. Однако поднявшись по ступеням, остановился на крыльце. Внутри душа вся сгорала от стыда за свое поведение, оттого, что из-за него, едва не пострадали люди и не поссорились други. И оттого, что который день его страшила и пугала мысль о том, где скоро... совсем скоро он окажется. И так вдруг захотелось увидеть отца, почувствовать его заботу и поддержку, так захотелось поведать ему все, что жгло и давило душу. Наследник стоял на крыльце, точно не решаясь сделать шаг вперед, открыть дверь и войти в дом, а посем тихо сам себе сказал:

– Устал, так я устал от этих дум и тревог, ох! когда же это закончится.

Сзади по ступеням поднялся Храбр, остановился рядом, и также тихо ответил:

– Знаешь, мальчик, давай с тобой поговорим об этом... И, коли ты сынок устал, давай отложим поход, может и не стоит туда отправляться, чего себя мучить...

Святозар резко развернулся и с болью глянув на Храбра, повысив голос, произнес:

– Что ты такое говоришь, наставник, что говоришь... Да, как это отложить, как не отправляться... Я! я повинен в том, что случилось с матерью. Я должен, обязан идти, и спасти ее, как бы меня не страшил этот путь. – Наследник тяжело вздохнул, сдвинул брови и добавил, – сами Боги мне помогают, нет, я не могу остановиться... Да, и если не вернусь, я это заслужил.

Наследник сказал последние слова, и голос его дернулся. Он повернулся и быстрым шагом направился в дом, но лишь за ним закрылась дверь, отделяющая сенцы от коридора,

как Святозар перешел на бег, и, устремившись по лестнице вверх, взбежал на второй этаж, да, повернув направо вмиг достиг своей опочивальни. Он остановился около двери, глубоко вздохнул раз, другой, и резко дернув ручку на себя, открыл створку, и вошел в покои. Святозар прошелся по опочивальне, успокаивая дыхание, на ходу расстегивая застёжки и снимая с себя куртик, да короткополый кафтан и бросив их на сиденье, повернулся к ложу, неторопливо подступил к нему и сел, обхватив голову руками. В опочивальни наследника было жарко натоплено, через большое окно в покои вливался солнечный свет, а в доме воеводы было очень тихо, и кругом все было такое мирное, такое благополучное, что казалось, Пекла вовсе и не существует, и то все выдумка... И стоит лишь ему Святозару закрыть глаза, как он тут же окажется дома в Славграде и увидит свою дорогую Любаву. В покои открылась дверь, и вошел Храбр, он посмотрел на наследника, и, подойдя сел подле на ложе, а потом притянул его к себе, крепко по-отцовски обнял, и мягко сказал:

– Я, знаю, сынок, как тебе тяжело. Но если ты не уверен в себе, ты должен остановиться, и хорошо подумать стоит ли идти, поэтому пути, и хватит ли у тебя сил.

– Храбр, – почти прошептал Святозар. – Мне просто страшно... Знаешь так хочется помочь матери, но я так хочу увидеть своего сына, хочу быть рядом, когда он скажет первое слово, когда ступит первый раз на землю... И самое, что страшное, наставник, это то, что Горислав послан не для меня, а как надежда для моего отца... А это значит, что ДажьБог не уверен, что мне удастся пройти этот путь и вернуться живым. Но если не уверен в этом сам ДажьБог, как же я могу быть уверен, что увижу своего сына, Любаву и вас всех... Мне страшно, Храбр, страшно. Но я должен, обязан побороть этот страх, и я знаю, что на это у меня хватит сил, надо только перестать думать о Любаве и о нем, о моем сыне, который с каждым днем становится сильнее, и старше, наполняясь жизнью. Надо не думать, а идти вперед, туда к царству Волыни, к царству Черномора, к неведомому проходу, который приведет меня к воротам в Пекло.

– Ты, сынок, – молвил Храбр и погладил наследника по волосам. – Очень сильный человек, у тебя великая душа, великая и смелая... А твой страх понятен, мой мальчик. Ты идешь туда, где правит зло и Чернобог, туда, откуда не выбрался сам Бог Велес. Долгий век он сидел заточенный в темнице Чернобогом и не смог оттуда вырваться. Но я, верю, Святозар, что наш прародитель ДажьБог, каковой явился на поле битвы, где сражались ты и Нук, не на жизнь, а на смерть, явился, чтобы подставить тебе свое плечо, и поддержать... не оставит тебя и там в Пекле. В это верю не только я, но и твой отец, мой друг Ярил, и только потому, он мне сам об этом сказал перед отъездом... Только потому он отпустил тебя, так как верит, что ДажьБог не позволит погибнуть своему и его сыну, Святозару. – Наставник смолк и вновь ласково погладил прильнувшего к его груди наследника по волосам. – А теперь, сынок, подымайся, да пойдем в гридницу, обсудим со старшим воином-ладейником Мечиславом, кады нам можно в путь отправляться... Да, насчет Стояна, не тревожься, я его видал он в гриднице сидит, да сам дюже расстроен, что тебя, мальчик наш, обидел.

Глава пятая

Седьмого цветеня ладья наконец-то покинула Валадар и направила свой нос по течению реки Вала к просторам Восточного моря. Теперь во главе носа находилась ожившая птица Алконост, все эти дни крутившая головой и разглядывавшая Валадар, да рядом стоявшие ладьи, частенько расправляющая крылья и постоянно разговаривавшая сама с собой, рассказывая какие-то сказы из жизни Богов. Первое время воины- ладейники пугались ожившей Алконост, но так как птица отличалась добрым и покладистым характером, да интересно сказывала сказы, то вскоре не только воины, но и все жители Валадара стали приходить поглядеть на волшебную птицу, каковую оживил наследник престола. Поэтому в день отплытия, пристань была так забита людьми, что наследник, наставники, други и воевода еле смогли протолкнуться к ладье. Святозар обнялся на прощание с Велемудром, поднялся по сходням на ладью и глянул на валадарцев, которые явились вместе с малыми детьми, заполнив всю пристань и теперь радостно махали отплывающим. Наследник зыркнул в родные восурские лица мужчин, женщин, стариков и детей и тяжело вздохнув, ушел в омшаник. Зайдя в омшаник, он лег на маленькое ложе, и подумал о том, что может быть сейчас, он видел этот народ, этих людей, детей, эту родную его сердцу землю в последний раз. Эта мысль была все время рядом с ним, не покидая его ни на миг, лишь только он еще тогда в Славграде, рано утром, вышел из покоев его и Любавы, где оставил дорогую жену в слезах, попросив ее не провожать его до лошади, эта мысль тогда же отправилась по его следам. Эта мысль ехала по заснеженным лесам Восурии, шла с ним в Арапайских горах, висела над глубокой пропастью, сидела на одном ложе с ним в темнице гомозуль и теперь вот опять она опустилась подле и давила, давила на него, не давая возможность даже глубоко вздохнуть, точно душила его одной несомненной истиной, что там, в Пекле откуда не вырвался сам Бог Велес, останется и он на долгие, долгие года...

Каждое мгновение возвращаясь к недавнему разговору с наставником Святозар понимал, что Храбр прав говоря о том, что его страх естественен, что душа наследника смелая и сильная. Однако почему-то после этого разговора появилось желание послушаться наставника и отказаться идти поэтому пути, и повернуть назад туда где его ждет любящая жена и заботливый отец... Ведь Пекло, это не страна Беловодья, не битва с фантурами, или со злобными ягынями под предводительством Ерку, не бой с Горыней или кертами обращавшими восур в яремников, это даже не поединок с непобедимым Сатэгой, или чудовищем Нуком. Пекло – это все сразу, все вместе и фантуры, и Ерку, и Горыня, и Сатэга, и Нук. Это нескончаемое порождающееся вечное зло, дитя Чернобога... И это зло не могло не пугать и сила Чернобога не могла не страшить... Святозар тяжело вздохнул, закрыл глаза и услышал тихую, тихую песню, ее пела молодая женщина, еле слышно она выводила слова колыбельной песни, а наследник слышал их, и словно чувствовал прикосновение нежных губ матери, ласковый наполненный любовью ее голос. Внезапно перед сомкнутыми глазами выросла светлая комната, а посередине комнаты стоявший большой прямоугольный стол, да лежащая на нем раскрытая книга Вед, книга которую подарил ему, первому правителю Святозару, сам Бог Коляда. Вед показывала, жуткое пекельное царство, кошмарное поле, вечного неприюта, где на черно-серой земле лежали огромные валуны, а в них были вмурованы, на века, души людей, совершивших сговор с темными силами. Вспомнил Святозар это поле, вздрогнул всем телом и почувствовал, как по спине пробежал озноб, как заломило, застонало тело, а душа тихо шепнула: «Ты, же знаешь это наш путь, это наш бой, не страшись ничего, нам с тобой не может быть страшно! Мы с тобой всегда шли вперед, не страшась глядели в лица своих врагов и никогда, никогда, ничего не боялись, а знаешь почему?... Я открою тебе этот секрет, но ты не кому его не сказывай, никогда... Я, душа твоя, я ведь не просто создана ДажьБогом, нет!.. Я, и есть ДажьБог! тогда, когда он создавал меня, он поделился со мной частичкой, светлой и чистой частичкой своей души!

И эта чистая частичка ДажьБога, выросла внутри тебя и превратилась в лазурно-сияющего Человека!»

Святозар открыл глаза и радостно улыбнулся, он положил руку себе на грудь и услышал монотонно стучащее сердце, а затем нежно погладил себя по груди, словно пытаясь обнять и передать тепло тому близкому и дорогому, что живет внутри него и всегда смело шагает вперед... туда, вперед к пекельному царству, где томится несчастная душа его матери.

По реке Валу плыли четверо суток, останавливаясь на ночь возле восурских деревень, жители которых радостно вываливали к деревянным пристаням встречая гостей и принося угощение, да с любопытством и восхищением оглядывая ожившую Алконост, каковая увидев новых людей, начинала сказывать им сказ о том, как когда-то Бог солнца Ра передал своему сыну Богу Хорсу солнечную колесницу и с тех самых пор: « прискачет... всадник, он скажет Солнцу :

«Иди, Солнце, в свои синие луга.

Ты должно подняться в колесницу свою и взойти с Зарей на Востоке.»

И, так сказав, скачет он в иные края.

И, вечер, прискакивает вслед за ним.

И этот всадник говорит:

«Солнце зашло за горы свои и покинуло свою золотую колесницу.

И ее ворожеи желают утаить».

И тут приближается всадник, скачущий в иные края.

И так Заря идет, и несет искры свои...» ***

Этот сказ Алконост очень любила и потому около всякой новой деревни сказывала его. Она также повторяла его, несколько раз на дню. И к концу четвертых суток его прекрасно знали, не только Святозар, наставники и други, но и все воины-ладейники, включая их старшего Мечислава. Когда ладья достигла Восточного моря, Алконост снова начавшая сказывать сказ про Бога Хорса, прервалась на половине слова и принялась обозревать морские пределы. Святозар поспешил к птице и, усевшись возле носа на борт, заглянул ей в лицо, где на нежно-розовом человеческом лице, светились два зеленых глаза, а ярко-розовые губы, были все также тонко очерчены.

– Именем Бога Огня Семаргла, повелением солнечного Бога Хорса, я веду твою ладью Святозар к Алтынскому царству Воыни! – молвила торжественно Алконост.

И в тот же миг она расправила свои громадные крылья, задев одним из них Святозара так, что тот чуть не свалился за борт ладьи, прямо в воду. Алконост накренилась вперед всем своим туловищем да головой, взметнула крыльями и повела ладью вглубь Восточного моря. Наследник спрыгнул с борта и приказал Мечиславу, старшему воинов-ладейников, поднять руль, так как волшебная птица будет вести ладью вместо рулевого.

Как только Алконост повела ладью, погода до этого сменяющаяся, то теплыми деньками наполненными солнцем, то наоборот холодными, пасмурными днями с проливными дождями, наладилась. Сзади надувая прямоугольный парус дул ветер так, что гребцы, сложив весла, смогли отдохнуть. На голубом небе не было ни одной тучки, яркое сверкающее солнце было необычайно теплым. Алконост ни на миг, не прекращая взмахивать крыльями, совершенно перестала говорить, а если на небе появлялся малюсенькое облачко, тихо свистела, выдувая из губ воздух и облако тут же лопалось, и исчезало. Воды Восточного моря были какого-то темного зелено-синего цвета, да на радость наследнику спокойны, и ни малейшего признака того, что их движение было замечено снизу царем Черномором. Все это время Святозар в основном проводил на палубе, разговаривая с друзьями и наставниками, которые чувствуя скорое расста-

вание с ним, были особенно заботливы и услужливы, выполняя любое его пожелание, вплоть до того, чтобы проводить ночи на палубе, наблюдая за движением звездных светил.

Ранним утром, на пятые сутки плавания по Восточному морю, Алконост внезапно сложила крылья и ладья сразу замедлила ход. Птица спешно завертела головой и громким, высоким голосом сказала, обращаясь к Святозару:

– Именем Бога Огня Семаргла, повелением солнечного Бога Хорса, под нами находится Алтынское царство Богини Вольни, первое повеление выполнено Бог Семаргл!

Святозар поспешил к птице, увидев, что она сложила крылья, а услышав те слова, наново забрался на борт, и, посмотрев в ее зеленые глаза, с замиранием сердца, молвил:

– Благодарю тебя светлая, великая птица Алконост. И прошу тебя, когда я нырну в подводный мир, наполнить свои крылья ветром и...

Но Святозару не удалось договорить, потому что птица широко раскрыла, и без того огромные, глаза и добавила:

– Второе повеление Святозара, наполнить крылья ветром и довести ладью в целости и сохранности до реки Валу, именем Бога Огня Семаргла, и повелением солнечного Бога Хорса, будет исполнено, сын ДажьБога!

Святозар склонил голову в поклоне перед Алконост, и, спрыгнув с борта, пошел в омшаник, позвав туда Храбра, Дубыню и Стоян, перед этим дав распоряжение Мечиславу спустить парус.

Наследник вошел в омшаник и принялся переодеваться. Он надел на себя чистую лазоревую рубаху, лазоревые штаны, подпоясался обшитым золотыми нитями поясом, сверху натянул белый опашень, летний верхний, долгополый кафтан с короткими рукавами, а ноги обернул онучами и обул в лазоревые чоботы, короткие полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носами. Все вещи были новые, и купленные Святозаром, нарочно для путешествия в Алтынское царство. Когда наследник оделся, в омшаник вошли наставники и Стоян, они понуро оглядели Святозара, а Стоян тихо спросил:

– Ты, чего так нарядился?

– Да, как чего, – усаживаясь на ложе и предлагая другу и наставникам, размещаться напротив него на низких табуретах, ответил Святозар. – Я же иду на прием к самой Богине Вольни, разве можно перед супругой Бога Ра, в этом синем, потертном кафтане появляться. – Наследник улыбнулся, но увидев, что Храбр и Дубыня низко опустили головы, не в силах посмотреть в его глаза, добавил, – что ж, наставники, Стоян здесь мы с вами и расстанемся, да попрощаемся. Под нами лежит искомое мною Алтынское царство, где я надеюсь, мне помогут, пройти мой путь дальше... Стоян, мой меч, – и наследник провел рукой по ножнам с мечом, что лежали на ложе. – Мой меч, отвезешь и передашь моему отцу, если я погибну и не вернусь, думаю ДажьБог явится за ним и заберет его... И, помните, Яронег носит на шее своей, мой дар, по нему вы сразу сможете понять, жив я или нет... Стоян, – подавляя дрожь в голосе, продолжал Святозар. – Если я погибну, прошу тебя стать божатым моему сыну Гориславу, и помочь ему вырасти мужчиной. Храбр, Дубыня, вы как мои наставники, передадите, мою последнюю волю, моим отцу и жене... Стоян, – и наследник, достал из-под подушки маленький коробочек из красной яшмы, украшенный рубинами и золотым крючком, и, передал его другу. – Стоян, отвезешь это, моей жене Любаве, это дар от моего друга царя гомозулей Гмура... Да, и еще, Храбр, коли меня не будет, когда приедет царь Гмур, прошу тебя, во имя той дружбы, что связывала меня и его, во имя той крови, что проливали ваши предки, примите его с положенным почтением и уважением, и пусть мой отец, возобновит с этим чудесным народом былую дружбу... – Святозар на миг затих, и, поднявшись с ложа, тихо досказал, – я точно, не знаю смогу ли вернуться... Но я уверен, что главное выполняю... Спасу душу моей матери, и пусть эта мысль поддерживает моего отца, до того самого момента, пока мы с ним не встретимся. А теперь мне пора!

С табуретов поднялись наставники и Стоян, каждого из них Святозар крепко обнял, прощаясь с ними, быть может навсегда, и попросил выйти из омшаника, да дожждаться его на палубе. Как только за Храбром, Дубыней и Стояном закрылась дверь. Наследник повернулся спиной к двери, и, подойдя к ложу, закрыл глаза, волнение, охватившее его при прощании с другом и наставниками, могло помешать в создании заговора... И потому Святозар, глубоко втянул в себя воздух, наполненный морской свежестью и деревянными стенами омшаника, вспомнил высокую, с белокурыми волосами и прекрасными небесно-голубыми глазами красавицу мать, ее гордую осанку и белый цвет лица, и когда душа его, смело посмотрела на него, еле видимо кивнув, наследник зашептал заговор: «О, хозяин, земного мира, владыка Божьего царства Бог Сварог! Ты, что в начале времен повелел мировой уточке поднять со дна океана, бел-горюч, камень Алатырь! Ты, что одним словом повелел Алатырь-камню расти, и, упав обратиться в Алатырскую гору! Ты, ударявший по Алатырь-камню волшебным молотом, из искр коих рождались Боги! Ты, творящий и созидающий мир, единым словом, услышь меня! Соизволь телу моему создать внутри себя жабры, кои дадут мне быть в воде подобному рыбе! Путь мой, путь Прави, идет он между Явью и Навью, между светом и тьмой! Ведет меня, твой внук, ДажьБог великий витязь! Да, именами славных Богов свершись!» Лишь сказал Святозар последнее слово, как тело его словно загорелось изнутри, золотисто-лазурный свет стал пробиваться сквозь ткань одежды и наполнять омшаник. Прошло мгновение и омшаник был полностью заполнен золотисто-лазурным густым туманом, который стал оседать на пол помещения превращаясь в плотное укрывало. Морг и укрывало лопнуло на мельчайшие крупинки, взвившиеся в вверх к потолку, которые засим образовав спираль закружились в золотисто-лазурном вихре возле наследника с огромной быстротой, и внезапно, врезались в грудь Святозара. Наследник вскинул руки вверх, и громко вскрикнул от боли, замерев на месте, пока золотисто-лазурные крупинки влетали в его грудь. Когда же и последняя кроха вошла в Святозара, да сияние спало, он, тихо, застонав, шагнул к ложу, и, опустившись на него, прилег. Наследник закрыл глаза, и какое-то время бездвижно лежал на ложе, ощущая внутри тела необычную боль, постепенно угасающую. Когда боль окончательно утихла, Святозар сел на ложе, расстегнул застежки на опашне и рубахе и потрогал то, что теперь у него помещалось с правой стороны груди. Там в правой части начиная от плеча и заканчивая последним ребром, находилась широкая пластинка, которая, точно крышка закрывала созданные внутри тела большие жабры. Немного ближе к середине груди проходила не широкая, но длинная жаберная щель, через оную в море будет выбрасываться вода. Теперь у Святозара с левой стороны груди было одно легкое, чтобы дышать на суше, а справа жабры, чтобы дышать под водой. Наследник довольный получившимся созданием, улыбнулся, и, поднявшись с ложа, застегнул на рубахе и опашне застежки, да двинулся из омшаника на палубу лады.

Святозар вышел на палубу и оглянулся, он увидел хмуро-взволнованные лица наставников и друзей, восторженно-любопытные лица воинов-ладейников. Наследник еще раз обнял на прощание наставников, Стояна, Часлава и Звенислава и сказал:

– Как только я нырну, разворачивайтесь и плывите обратно, Алконост поведет ладью.

– Сынок, – дрогнувшим голосом, обратился к наследнику Храбр. – Может нам лучше дожждаться тебя здесь.

– Ни в коем случае, – отрицательно покачав головой, ответил Святозар. – Из Яви в проход ведут несколько ворот: первые-находились в царстве гомозулей; вторые-находятся в царстве Черномора, а третьи-лежат где-то в степях лонгилов, раньше их оберегали своей магией альвины. Так, что Храбр неизвестно, откуда и когда я выйду.

– Но, как ты доплывешь потом? – спросил Дубыня и голос его также, как и голос Храбра дрогнул.

– Ну, если мне удастся оттуда выйти, – и Святозар засмеявшись, похлопал по плечу Дубыню. – Так я, обязательно до вас доплыву, али долечу... А теперь прощайте, и прошу вас

уплывайте сразу, как только я нырну, чтобы Черномор вас не заметил, да не наслал на вас, каких либо напастей.

Святозар убрал с плеча наставника руку и направился к борту ладьи, други и гребцы расступились, уступая ему дорогу. Наследник подошел к скамье гребцов ступил ногами на нее, и, пройдя по ней, подступил к самому борту ладьи. Опершись рукой о край борта, он залез на него сверху обеими ногами, и, выпрямившись в полный рост, застыл на месте, не решаясь оглянуться и посмотреть на дорогих ему людей. Сейчас на голубом, безоблачном небе не было ни облачко, яркое весеннее солнце светило прямо в лицо, согревая своими лучами и придавая уверенности. Святозар закрыл глаза, зачем-то глубоко вздохнул, и, оттолкнувшись от борта ладьи ногами, нырнул в холодное море, а когда вода над его головой сомкнулась, он тихо пошел ко дну. Наследник открыл рот, втянул в себя воду и почувствовал, как она вышла через щель в груди, и тогда, довольный собой, глубоко задышал в воде, да открыл глаза. Море было дюже холодным, а через темную сине-зеленую воду было плохо видно. Святозар, немного подумал, а после провел рукой по глазам, и про себя зашептал заговор: «Именем Сварога, спади пелена, очи глядите, разверзая воду! Повелеваю твоим именем, небесный отец Сварог!» И в тот же миг, до этого ужасно размытые контуры подводных предметов стали ярче и насыщенней, точно приблизились вплотную к наследнику. Святозар до этого опускающийся ко дну вниз ногами, почувствовал, что движение его как будто остановилось. Немедля он развернулся, и, увидев впереди себя темную морскую глубину, раздвигая воду руками, поплыл туда, вниз, к самому дну.

Морской холод сковывал движение рук и ног наследника, и плыть становилось все тяжелей и тяжелей, но Святозар старался не думать о ледящей тело воде, и, подавляя в себе внутреннюю дрожь, которая начала сотрясать тело, продолжал продвигаться вперед. Вокруг наследника проплывали рыбы: сельдь, скумбрия, ставрида, судак. Прямо перед глазами промелькнула похожая на леща большая рыбина обряженная в блестящую, серебряную чешую, она погналась за маленькой желтоватой рыбкой, каковая так быстро пролетела перед Святозаром, что он толком и не успел ее оглядеть. Через какое-то время, он смог рассмотреть, впереди, серое дно с огромными похожими на горы кручами. Но подплыв еще ближе, узрел, что, то были вовсе не кручи, а необыкновенные постройки находящиеся на великолепном круглом, приподнятом над морским дном, острове.

Святозар снова и снова раздвигал воду руками, и плыл вниз. Внезапно он почувствовал резкую боль в ушах и носу. На миг наследник замедлил движение, дотронулся правыми пальцами до носа, потом провел ими по поверхности ушей и шепнул заговор, и боль в тот же миг отступила. Холод уже настолько овладел телом Святозара, что плыть дальше не было сил, и наследник опять зашептал заговор, а когда пальцы его руки окрасились в лазурный цвет провел ими по телу и вещам, начиная от лба и кончая чоботами, и сразу почувствовал тепло, словно пробежавшее под вещами, по телу, на морг покрывшее его лазурным сиянием. Однако вода в море была настолько холодная, что тепло продержалось на теле совсем немного, и вскоре наследника наново стала пробивать дрожь и озноб. Он еще несколько раз шептал заговор, но тот действовал лишь какой-то миг, а засим тело вновь покрывалось гусиной кожей и начинало сотрясаться. Однако Святозар несмотря на холод, продолжал плыть, и теперь уже настолько приблизился к острову, что смог рассмотреть и сам остров, и постройки на нем.

В середине острова стоял высокий дворец, словно сложенный из четырех равных треугольников, наклоненных к друг другу и венчающихся на конце громадным, красным, круглым рубином, ярко горящим и ограненным золотым ободом. Сам дворец был белым и даже через темно-синие воды, его белизна поражала своей чистотой. Этот дворец по кругу окружали дворцы поменьше, они были в виде полукругов, с вырезанными на поверхностях стен, ступенями. И сами стены, и покатые крыши дворцов горели ярко-розовым светом, а в середину крыши был вставлен в серебряном ободке огромный нежно-розовый алмаз. Следующий ряд

дворцов окружающий розовые постройки по высоте был еще ниже. У этих дворцов были также четыре стены, но эти стены до середины дворца шли вертикально вверх, а с середины резко, словно треугольники соединялись в один конец, в который был вставлен, в медном ободе, мерцающий голубоватый, круглый сапфир, а сама постройка была непонятного, то ли синего, то ли зеленого цвета. Последний ряд дворцов темно-бурого цвета, был самым низким и многочисленным. На вид это были обычные дома, с четырьмя стенами и плоской крышей, которая плавно перетекала в высокий полукруг, на вершине коего в буром ободе находился белый, слабо светящийся, круглый топаз. Чем ниже наследник опускался, подплывая к острову, тем ярче становилось морское дно, исходивший свет от необычных светящихся построек, наполнял воду розовым, голубым и белым светом. Опустившись еще ниже Святозар смог увидеть не только постройки, но и множество аккуратно выложенных по кругу дорожек из темного камня, а также какие-то низкие лавочки и изваяния.

Приближаясь к самому дну, он все меньше и меньше встречал рыб вокруг себя, зато теперь смог разглядеть людей, прогуливающихся по дорожкам между дворцами. Чем ближе подплывал наследник к царству Вольтыни, тем сильнее замерзал, руки и ноги почти его не слушались, а зубы во рту так стучали, что от этого стука дрожало все тело, но шептать заговор, чтобы согреться хоть на миг, уже даже и не хотелось. Внезапно Святозар увидел как с двух противоположных сторон царства, откуда-то из бурых дворцов, навстречу к нему выплыли существа. В первый момент трясущийся наследник даже не понял, что это за существа, но когда те приблизились смог разглядеть, что сверху на огромных саженных осетрах, сидели люди. Эти люди, были примерно такого же роста, как и Святозар, у них просматривалась бледно-голубая кожа, зеленые волосы, очень узкие, вытянутые лица с тонкими чертами и немного выпирающим вперед подбородком, удлиненные носы, не большие темно-зеленые глаза, ярко-синие губы и вытянутые кверху, заостренные уши. Не только лицо, но и вся кожа у них была бледно-голубой. Люди до пояса были не одеты, а их бедра окутывала тонкая землистая, похожая на женский подъюбник до колена, тонкая материя, крепившаяся на поясе бурым, узким поясом. Ноги их были обуты в легкие, открытые, землистые сандалии, а на голове высились, точно перевернутые кубки, вытянутые кверху, бурые колпаки из гладкого материала и доходившие до заостренных ушей. На этих колпаках виднелись еле видимые рисунки.

Когда люди, подплыв к Святозару, поравнялись с ним, то он, перевернувшись, так, чтобы ноги были устремлены ко дну, поклонился жителям морского царства.

– Хирфи мюн сумхают? – спросил один из людей, каким-то булькающим, громким голосом и посмотрел на наследника своими зелеными глазами.

Святозар открыл рот и таким же булькающим, чужим голосом, не очень надеясь, что его поймут, ответил:

– Мне нужна морская владычица Вольтыня, супруга Бога Ра. Я, Святозар, наследник восурского престола, сын ДажьБога, – и застучал зубами от холода, сотрясаясь всем телом.

Люди некоторое время хранили молчание, с любопытством оглядывая стучавшего зубами и трясущегося Святозара, и переглянувшись между собой, сказали:

– Мюн умхатис ДажьБог.

Перед глазами Святозара поплыл какой-то синеватый туман, он на мгновение закрыл очи, отгоняя этот туман, и уже сам не понимая, что они спрашивают, но слыша имя своего Бога, кивнул головой. И тогда тот человек, который задавал вопросы, протянул руку, а когда наследник протянул в ответ свою, крепко схватил его за нее. Рука человека, была такой же холодной, как и окружавшая их морская вода.

Человек одной рукой держал Святозара, а другой, направил осетра вниз, прямо к великолепному белому дворцу. Они поплыли с огромной быстротой так, что наследник не успевал дышать, а перед глазами не просто мелькал, а уже недвижно стоял синий туман. Вскоре они опустились перед тремя не высокими ступенями сияющего белым светом дворца, прямо

на темно-серую дорожку из оникса. Святозар встал ногами на ее поверхность и почувствовал, что ног у него нет, а вместо них какие-то не сгибающиеся деревянные палки, на которых не то, чтобы стоять, а даже опираться было трудно. Синий туман продолжал появляться перед глазами, но наследник сделал над собой усилие и потряс головой, отгоняя его, а когда то марево иссякло, увидел белый дворец, три широкие ступени окружающие его. Во дворце совсем не было окон, а вместо дверей находился высокий треугольный вход, по обе стороны от коего стояли люди, похожие на тех, что доставили его сюда. Только эти люди были одеты в синие подъюбки и сандалии, а на головах у них были синие кубкообразные колпаки, с рисунками и усыпанные маленькими переливающимися топазами. Охранявшие вход, хмуро глянули на явившихся в бурых колпаках людей, перевели взгляд, и с неподдельным интересом, оглядели тяжело вздрагивающего от холода Святозара, да спросили на непонятном языке:

– Хирфи хефу сумхают?

– Хеф умхатис ДажьБог, – ответил держащий за руку Святозара человек, и, сойдя с осетра, низко поклонился охранявшим дворец.

– Умхатис ДажьБог? – переспросил человек, в синем колпаке, и зыркнул на наследника.

– Мне нужна владычица Вольня, да поскорей, – очень тихим, слабеющим голосом, вымолвил Святозар. – Я сын ДажьБога... Скорее ведите меня к ней, а иначе, еще миг, и я умру.

Человек в буром колпаке отпустил руку наследника, и Святозар на своих не гнущихся ногах, тяжело шагнул на первую ступеньку дворца. Но так как от холода ноги его не слушались, а тело не подчинялось, он, ступив на ступеньку, тут же на нее опустившись, сел, а в ушах и носу опять появилась резкая боль. Человек в синем колпаке поспешил к обессиленному наследнику навстречу, и бережно подхватил его под руку, да повлек за собой. В самый последний морг, когда от холода уже закрывались глаза, Святозар увидел полутемный, серый, каменный потолок и стены... Посем широкий, высокий зал с треугольными устремленными вверх белыми стенами... Боль в носу и ушах пропала, сменившись на обжигающее тепло в голове, а когда на него навалился синий туман, погребаяющий всякую мысль, наследник потерял сознание.

Глава шестая

Святозар очнулся и тяжело вздохнув, открыл глаза, и первое, что увидел яркой голубой свет. Поначалу, он даже и не понял где находится. Однако слегка приподняв голову, разглядел, что лежит на ложе, в широкой бледно-голубоватой комнате, где четыре треугольные стены, плавно наклоненные друг к другу, сходились в одной точке. В комнате и стены, и пол были голубоватые, здесь не имелось окон, а вместо двери находился треугольный вход. Широкое ложе, сделанное из переливающегося голубого материала, стояло посередине комнаты, и было укрыто голубыми укрывалами. В четыре угла ложа были вмонтированы не высокие, тонкие столбы спирально закрученные, на которых крепилась словно крыша голубоватая, прозрачная материя, такая тонкая, что сквозь нее проглядывалась верхушка комнаты. Рядом с ложем Святозара на прекрасном со спинкой сиденье, усыпанном крупным жемчугом розового и черного цвета, сидела красивая женщина. У женщины была белая кожа, и длинные ярко-желтые волосы до земли, заплетенные в широкую косу. Лицо ее было божественно прекрасно с высоким лбом, небольшим носом, тонко очерченными алыми губами, с легким румянцем на щеках и зелеными, глубокими, словно омут глазами. Женщина была молодой, и в тоже время в ее взгляде, лице, плотно сомкнутых губах чувствовалась какая-то необыкновенная мудрость, наполненная тысячелетиями прожитой жизни и полученных знаний. На ней было одето белое длинное неширокое, наподобие сарафана одеяние, которое начиналось возле груди и свободно спадало до земли, на ноги обуты белые сандалии, усыпанные по поверхности тонких ремней, опоясывающих ногу, белым круглым жемчугом, на голове высился длинный, высокий, заостренный кверху золотой колпак, от одного в разные стороны расходилось неяркое желтое свечение. В середине колпака, белым цветом, на языке Богов были начертаны символы. Женщина держала в руках золотой кубок. И лишь Святозар пришел в себя, и, оглядевшись, посмотрел на нее, нежно ему улыбнулась и сказала, не громким, насыщенным нежностью, голосом сначала на языке Богов, а засим на вусурском:

– Зреблю ешла сэтко ДажьБога!^{*1*4} Здравствуй, светлая деточка, Святозар! Очень рада, я, что ты добрался до моего Алтынского царства, живой! Я, жду тебя уже много дней, с тех самых пор, как твой отец, великий ДажьБог, пришел ко мне и попросил меня, помочь тебе.

Святозар попытался, что-то сказать в ответ, он даже открыл рот, но губы и язык были какими-то твердыми, неподъемными, точно не желающими его слушаться. Из всего того, что удалось ему произнести было какое-то несуразное мычание, а после он и вовсе обессилив, уронил голову на ложе.

– Нет, нет, деточка, Святозар, – поднявшись с сиденья и подойдя к ложу, добавила Воляня. – Ничего пока не говори, ты перемерз, нужно время, чтобы, ты, привык к этому холоду. А как только ты к нему привыкнешь, тогда сможешь преодолеть и холод Пекла. А, пока, выпей этот солнечный нектар и согрейся.

Воляня бережно приподняла голову Святозара, и поднесла кубок с ярко-красной, густой жидкостью к его губам. Наследник тяжело сделал первый глоток, потом еще и еще один, и тотчас почувствовал, как по телу разлился необычный жар, такой сильный, вроде его посадили в бане сверху на горячую каменку, да еще, и поддали парку. Святозар допил до конца солнечный нектар, и так как губы, и язык согрелись, и опять стали мягкими, тихо вымолвил:

– Благодарю.

⁴ Приветствую тебя сын ДажьБога!

Волыня убрала от губ кубок, осторожно положила голову на ложе, и ласково погладила белой рукой с необычайно длинными, тонкими пальцами, и чуть розоватыми, удлинненными ногтями, наследника по волосам, мягко сказав:

– Надо же деточка, как ты похож на ДажьБога, даже удивительно... – Она нежно провела правыми пальцами по лбу и глазам Святозара, едва коснулась его носа и губ, и, убрав руку, проронила, – такие же губы, высокий лоб, голубые глаза.– Богиня улыбнулась, досказав, – ах! он хитрец, верно, вложил в тебя не только свою кровь, но и, что-то еще... Но, ты, не беспокойся, деточка, я об этом ни кому не расскажу, – и звонко, так как вытекает из-под камней лесной ручеек, рассмеялась.

Наследник принялся моргать, потому что на него начал наваливаться сон, а глаза стали слипаться, и Волыня, увидев это, тихо сказала:

– Поспи, поспи, деточка. А, я, посижу подле, погляжу на сэтко ДажьБога.

Святозара не пришлось уговаривать, согретый солнечным нектаром, он сейчас же закрыл глаза и крепко заснул.

Когда наследник пробудился, то почувствовал в себе силу и здоровью, а открыв глаза, увидел все тот же голубой свет наполняющий комнату. Немного приподнявшись и опершись локтем о поверхность ложа, Святозар посмотрел на Волыню. Богиня продолжала сидеть на голубом сиденье, и ласково ему, улыбнувшись, спросила:

– Как ты, деточка, себя чувствуешь?

– Благодарю тебя, светлая владычица морская, Волыня, – весьма бодрым голосом ответил ей Святозар. – Но, я, совершенно здоров.

– Ну, о здоровье говорить еще рано, – тихо откликнулась Волыня. – Так, что ты приляжь, приляжь пока. Тебе еще рано подниматься. Покуда я не велю, придется тебе побыть в ложе... Потому как я обещала ДажьБогу помочь тебе, и слова своего не нарушу. Ложись, деточка, прошу тебя.

Святозар согласно кивнул и выполнив просьбу морской владычицы, улегся на ложе, а Волыня поднялась с сиденья и подойдя к нему, протянула белую руку. Она нежно коснулась длинными, тонкими пальцами лба наследника, да едва нахмутив свой божественный лоб, на каковом вместо морщинок проступили еле видимые тонкие, желтые паутинки, заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.